

САНДРА ФОРД

ДОСТАВАЯ РУКАМИ ДО ДНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЕЕ ПРЕДЕЛ – ЭКСТАЗ БОЛИ,
ГДЕ СВОБОДА КУЕТСЯ ИЗ ОСКОЛКОВ РАЗБИТОГО СЕРДЦА

Сандра Форд

Доставая руками до дна

«Автор»

2026

Форд С.

Доставая руками до дна / С. Форд — «Автор», 2026

Риана Олсон — талантливая студентка вокального факультета престижной Джульярдской школы. Её беззаботное детство трагически оборвалось автокатастрофой, оставив девушку один на один с опекуном. Чтобы заглушить душевную боль, Риана поёт в баре. Её мир состоит из серых будней и рутины. Пока однажды на сцене она не встречает притягивающий взгляд Дэймона Прайса, который переворачивает всё с ног на голову. Дэймон Прайс — молодой гений авиации и наследник империи SkyWings Company. За безупречным образом скрываются тёмное прошлое и диагноз, который он изо всех сил держит под контролем. Встреча с Рианой становится для него наваждением — первой трещиной в его железной броне. Между ними вспыхивает опасная химия. Дэймон вытаскивает Риану из невидимой клетки и открывает ей дорогу к большой сцене. Их стремительно развивающийся роман ломает все его установки. Это история о том, как из пепла прошлого рождается пламя свободы. И о том, что любовь может стать как спасением, так и уничтожением друг друга.

© Форд С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Предисловие от автора	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Доставая руками до дна

Дисклеймер

Данная книга содержит сцены, которые могут стать для Вас триггерными:

- травматические события (жестокое обращение, сцены убийств и избиения)
- психологическое давление (манипуляции, эмоциональный абьюз)
- тема утраты (смерть близких, неизлечимые заболевания)
- физиологические триггеры (описание расстройств поведения, употребление наркотиков/алкоголя)

Предисловие от автора

Дорогие читатели!

Если вы пришли за красивой сказкой о любви — закройте эту книгу. Здесь нет розовых очков, сладких обещаний и идеальных героев.

Эта история о тех, кто, задыхаясь от любви, способен причинить боль, выбирая себя.

Здесь любовь не лечит — она ломает. Не спасает — она топит.

Эта история о границах, которые стираются. О боли, которая становится языком любви. О том, как два человека могут довести друг друга до края.

Я не оправдываю их. Я не осуждаю их. Я не романтизирую их отношения. Я просто рассказываю эту историю — без прикрас и морали.

Если вы готовы — добро пожаловать в первую часть дилогии о реальности Рианы Олсон и Дэймона Прайса.

Пролог

— Не надо со мной так поступать, — кричу я. Но слова застревают в глотке, складываются мутным комом ужаса.

Каждый раз я просыпаюсь от разрушительного звона в голове.

Холодный пот. Дрожь в теле. Учащённое дыхание.

Это всего лишь сон.

Я хочу в это верить, но один кошмар переносит меня в другой.

Настоящий. В кошмар моей жизни.

Тени прошлого обвивают мою душу, готовые поглотить всё, что осталось. Но я не сдамся.

Моя жизнь — это исковерканные воспоминания и разбитые мечты. С каждым годом я привыкала к тому, что чувствовать — не моё.

Всё давно утеряно. Уничтожено.

Сожжено в автокатастрофе, которая забрала у меня не только родителей, но и право на нормальную жизнь.

Тринадцать лет я живу в клетке, построенной из чужих правил и собственных шрамов. Мой мир — это серые будни, бесконечная учёба и мёртвая тишина квартиры.

Но теперь всё будет иначе.

Он появился без предупреждения. Словно вихрь, переворачивающий всё с ног на голову. Его пронзительный взгляд будто выбил почву из-под ног.

Я не видела... но почувствовала, как будто две его сущности противоречат друг другу. Я не ожидала, что он войдёт в мою жизнь и что я буду ощущать его присутствие каждой клеткой тела.

В тот день воздух в зале бара содрогнулся от одного лишь его присутствия.

Дэймон Прайс. Его имя звучит как приговор и как обещание одновременно.

Он смотрит на меня так, будто видит насквозь: сквозь фальшивую улыбку, сквозь защитный панцирь из цинизма и боли. Он видел двух разных меня — ту жизнерадостную девочку, которой я была до аварии, и ту сломанную куклу, которой я стала после.

Когда он рядом, я не просто чувствую.

Я горю. Пылаю.

От его прикосновений искрится и воспламеняется всё моё нутро. Я дышу по-другому. Ощущаю эйфорию, которую не ощущала никогда.

Он — моя реальность. Моя непредсказуемая возможность. Моя надежда.

Но в каждом конце скрыто начало, а в каждом начале — вероятность конца. Я знаю: даже если я не согласна, даже если не хочу — рано или поздно всё будет так, как должно быть.

А должно быть больно. Потому что любовь не лечит. Она топит.

И я тону в его глазах, даже не понимая, что он уже тянет меня на дно.

Глава 1

Риана Олсон

Несправедливость может коснуться моей судьбы, но ей не коснуться моей истины.

Моя истина — это то, что я решаю быть несгибаемой.

Бар с мигающей неоновой вывеской «Night Whisper» расположен в одном из районов Манхэттена. Здесь воздух пропитан запахом табака и дорогого алкоголя. Но за всем этим скрывается моё место силы.

Любая песня на публику для меня — привычное дело с детства. Но сегодня день рождения моей мамы, которой нет со мной уже тринадцать лет. В честь моего особенного дня в году я хочу спеть её любимую песню — Christina Aguilera «Hurt».

Родители погибли, когда мне было восемь. Сейчас мне двадцать два, и по сей день в памяти постоянно всплывают их образы. К сожалению, они не успели увидеть моё взросление. Тяжёлый груз потери давил на плечи, но я сопротивляюсь. Выпрямляю спину и держу голову гордо.

В толпе я замечаю два родных лица. Галлюцинация ли это, обман больного воображения или просто незримая связь между душами? Плевать. Я рада, что хоть так могу их видеть.

Сердце колотится в груди, как удар аккордов, под которые я просыпалась и засыпала, слушая мамин голос. Она разрывала вокалом пространство залов, словно молния. А я? Я унаследовала её дар.

Диджей включает «минус» и кивает. Я выхожу в центр небольшой сцены, подкидываю микрофон и ловко ловлю его одной рукой. Для меня микрофон — это портал в другую реальность. Туда, где я не притворяюсь и где мне становится легче дышать. И этого достаточно, чтобы быть собой.

Смотрю туда, где всего несколько секунд назад видела улыбающихся родителей.

— С днём рождения, мам, — беззвучно произношу я.

Бар заполнен незнакомыми лицами. Гости болтают и веселятся. Но, заметив меня, они переключают внимание.

Местная звезда бара.

Делаю глубокий вдох — и первые слова вырываются на выдохе. Мамин голос звучит эхом в моей голове. Мы будто поём в унисон. Слово за словом — и я становлюсь ею.

Не копией. Её продолжением.

Атмосфера меняется. Бар, который был хаосом, превращается в храм. Тихий и заворожённый. Я питаюсь вниманием, наполняюсь энергией.

Парень в углу, только что флиртовавший с девушкой, отвлекается на меня. Женщина с печальным лицом вдруг заулыбалась, поднимая взгляд с бокала. Даже те, кто курил, потушили сигареты и оставили их в пепельнице.

Что я чувствую в эти моменты? Как разрывается паутина, стягивающая мою грудную клетку. Пока песня не допета, внутренняя пустота не торопится взять меня в оковы. Это не просто пение — это моё исцеление. Спасение. Долгожданное чувство свободы.

Когда последняя нота затихает, аплодисменты разлетаются фейерверком вокруг. А моя свобода разбивается. Рассеивается.

Снова барьер. Снова опустошение.

Я всё ещё смотрю туда, где видела фантомы родителей. Сжимаю родительский медальон на груди — и глаза начинает жечь от слёз. Но я, как и всегда, не даю им выхода. Это слабость. Нет места бессмысленным слезам, когда сердце давно превратилось в руины.

Оставляю своих слушателей без поклона благодарности и ухожу со сцены в свою импровизированную гримёрку.

Сэм Смит — хозяин бара. За ту выручку, которую получает в мои смены, он отдал мне бывшую комнату уборщицы как гримёрку. Я обустроила её под себя, и теперь этот небольшой квадрат пять на пять метров — моя обитель. Условия так себе, но мне комфортно. Ведь душа уютится там, куда её пустили.

Я работаю здесь не ради денег — у меня их достаточно. Я пою в первую очередь для себя. Я не просто так выбрала для своего хобби это место. Здесь никому не известно, кто я и кто стоит за моей спиной. Здесь любят в первую очередь мой голос.

— Риана, — стук в дверь. — К тебе можно?

Это Хлоя Янг. Мы вместе учились в начальной школе, а теперь заканчиваем последний курс в Джульярдской школе. Её семья среднего достатка, поэтому она подрабатывает официанткой в баре. Она — одна из ограниченного числа людей, кого я подпускаю к себе близко. Хлоя знает всю правду обо мне, продолжает быть рядом и не жалеет меня. Именно то, что мне нужно.

— Заходи, конечно!

Светловолосая девушка с карими глазами, невысокого роста, с пышными формами проходит в мою комнату.

Из-за того что в комнате тесно, она задевает вешалки с вещами в полуразобранном шкафу. Те слетают на пол. Хлоя замирает на месте и жмурится, а руки мёртвой хваткой впираются в поднос, прижимая его к груди.

— Буянишь? — мой тон игривый.

Я привыкла к её неловкости. Моя подруга по натуре не трусиха, но чрезмерное чувство вины — есть. Как бы грубо ни звучало, даже со мной она ведёт себя как провинившийся ребёнок в ожидании взбучки.

— Извини, — открывает один глаз.

— Это всего лишь тряпки, — поднимаюсь и собираю всё с пола на место. — Тебя опять кто-то напугал? Чего ты сегодня такая зашуганная?

— Тот мужчина снова пришёл, — она тяжело выдыхает и опускается на стул напротив небольшого, криво висящего на стене зеркала. — Каждый раз, как прохожу мимо его столика, начинает лапать. Можно я посижу у тебя, пока он не свалит?

— Всё тот же? — пальцы сами собой сжимаются в кулаки.

— Да. Уже в четвёртый раз приходит. И каждый раз в мою смену! — она закидывает голову к потолку и молится. — Иисусе, мне нельзя потерять эту работу. Ещё хотя бы пару месяцев продержаться... Аминь, — крестится.

Я не трачу время на её причитания и выхожу в коридор, захлопнув за собой дверь.

С этим надо уже что-то делать.

Я никогда не понимала такого отношения и никогда не потерплю его к себе. Для меня дико, когда мужчина делает больно женщине и считает её своей собственностью. И я не позволю своей единственной подруге попасться на мерзкие манеры какого-то алкоголика в баре.

Прохожу в зал и ищу глазами того, кто решил, что ему сегодня всё позволено. Нахожу его за несколько секунд. Мужчина лет тридцати пяти с небрежными волосами, в тёмных брюках и чёрной водолазке. Сидит за столиком и слегка покачивается под музыку. Его взгляд рассеянный и беззаботный, а носок ботинка отбивает ритм — создавая фальшиво добродушный образ.

До меня доносится его обращение к другой официантке с просьбой позвать Хлою. Этот тип каждый раз садится за столик в её зоне ответственности.

Иду к нему и на ходу беру с необработанного столика тарелку с недоеденным салатом в обильном соусе.

Сочнее будет его рожа, когда соприкоснётся с ним.

Я почти рядом. Ещё два шага. Два... один... и...

Меня деликатно отгаскивают в сторону — придерживают за руку и параллельно забирают тарелку.

— Что ты задумала? — слышу раздражённый шёпот Сэма около уха.

— Размазать эту кашу ему по лицу, — показываю кивком на обидчика Янг.

— Не забывай своё место, — сердито напоминает он и отстраняется на шаг, небрежно отпустив мою руку. Ставит тарелку на соседний столик, где официантка уже убирает. — Ты можешь позволять себе всё что угодно, только на своих квадратных метрах. А это — отведённый угол в моём баре. Лишишь меня выручки — будешь подрабатывать ещё и натурой.

Внешность Сэма Смита никогда не вызывала у меня доверия: всегда коротко стриженные чёрные волосы, виски выбриты и открывают татуировки в виде змей, пирсинг в правой брови. Но главное — это тёмные глаза, как у сущности, которая пожирает твою энергию. А его диктаторская манера общения опускает его в моих глазах ещё на несколько делений.

— Тебе уже тридцать лет, босс, — криво усмехаюсь. — А ты настолько наивно мыслишь? С чего ты взял, что я буду выполнять твои указания ещё и на таких условиях? — подхожу к нему вплотную, бросая вызов. — На должности девочки на раздаче доведу тебя до банкротства. Будешь оплачивать каждому клиенту больничный.

Смит зависает на несколько секунд. По глазам вижу, что подбирает слова, чтобы заткнуть меня. Шепчет проклятия себе под нос, и его рука медленно поднимается на уровне моего лица — пальцы вытянуты и дрожат от гнева.

Если хоть кто-то здесь попытается засунуть в меня свой член — отгрызу. А после выплуну к ногам босса кусок органа. И Сэм это прекрасно знает: в нашем случае любая его угроза потерпит поражение.

— Олсон, не доводи хотя бы до скандалов в моём баре.

— Значит, поставь охрану в зале, чтобы твои гости не лапали сотрудников, — упираю руки в бока. — А то загремят за домогательства. — Моё сопротивление не унимается.

— Я улажу, — бурчит он, опуская руку, и наконец переводит взгляд на мужчину, спасённого от моей кары.

Тот ставит пустую бутылку на стол и дёргается от икоты.

— Уладь. Поработай хоть немного, босс.

Сэм бросает испепеляющий взгляд и приоткрывает рот — видимо, планирует сказать ещё пару ласковых. Но я не доставляю ему такого счастья: подмигиваю и ухожу.

Как можно относиться с уважением к людям, которые нарушают чужие личные границы? Как уважать тех, кто смеет диктовать в подобном тоне? Такие подонки считают, что им присвоено право решать за других.

Возвращаюсь к себе и со всего размаха захлопываю дверь. Хлоя вздрагивает, чуть не падая со стула.

— Смит пообещал, что разберётся, — подвожу итог своего выхода в зал и встаю перед зеркалом рядом с Хлоей.

— Ты сказала, что я пожаловалась? Боже, он меня уволит! — она прикрывает рот рукой и испуганно смотрит на меня в отражении.

— Все стрелки на мне, а меня не уволят. Я ему слишком выгодна, — несмотря на раздражение, стараюсь смягчить тон.

— Не нужно было за меня заступаться, Ри. Ничего же, по факту, не произошло. Теперь у Сэма ещё один повод цапаться с тобой.

— Это пока не произошло, — поворачиваюсь к ней, брови поднимаются в упреке — напоминании о том, на что способен возбудившийся мужик. — Тем более я тебе по гроб жизни должна.

Хлоя опускает взгляд и вздыхает. Вижу, как глаза блестят от подступивших слёз, но она сдерживает их.

— Ты про... — всё же решается уточнить.

— Не произноси, — резко прерываю её и снова отворачиваюсь к своему отражению.

Зеркало не умеет врать. Черты лица чёткие, не искажённые. Я вижу себя ясно. Но именно эта ясность режет: зеркало висит неровно, а вместе с ним — вся моя жизнь. Лицо отражается прямо, а линии горизонта уходят под углом. Яркое напоминание: я не кривой человек, я просто живу не в ту сторону.

У меня в целом всё как у людей: работа, учёба, крыша над головой. Улыбаюсь, злюсь. Но внутри — этот чёртов наклон. Я иду ровно, а жизнь выходит за колею.

Зеркало буквально намекает, что я не там, где должна быть. Сбитый компас. Кривая судьба.

Можно было бы привести его в порядок и закрыться от этой правды. Но я стою и смотрю. И чувствую, как эта покалеченная судьба въедается в позвоночник.

Глаза в глаза самой себе. Мне становится мерзко.

Каждый раз, вспоминая о прошлом, я убеждаюсь в своей ошибке: я так и не смогла перешагнуть случившееся. Ни счастья, ни радости, ни любви к жизни у меня нет. Прежняя Риана Олсон — где-то глубоко внутри, и будет там до тех пор, пока я её помню. Сейчас же из года в год из отражения на меня смотрит та версия, которая выстояла всё, что было предначертано.

Хлоя обнимает меня со спины — я напрягаюсь всем телом. Она чувствует это и отстраняется.

— Учишься на бюджете, деньги зарабатываешь сама. Почему ты не съедешь от него?

— Тогда Генри не даст мне ни доучиться, ни сделать карьеру. Его связи — как кость в горле. Но тебе не стоит переживать: мы с ним всё уладили. Сейчас главное — закончить учёбу и в короткие сроки обустроиться так, чтобы его связи не смогли мне помешать при первых же трудностях.

Неожиданно в дверь стучат так сильно, что стены содрогаются.

— Если официантка у тебя, скажи, чтобы выходила работать! — орёт Сэм из коридора, не заходя внутрь. — Озабоченный ушёл, трястись больше нет смысла!

По удаляющимся шагам понимаю: босс пришёл лично отчитаться о проделанной работе. Погонов это ему не добавляет, но плюс к карме — одобряю.

— Точно не хочешь поговорить? Ты же знаешь, я всегда тебя выслушаю, — прежде чем уйти, Хлоя делает новую попытку достучаться до меня.

— Эта тема закрыта, Хло.

Она отводит растерянный взгляд в сторону, подхватывает поднос и тихо прикрывает дверь. Но я никак не реагирую — полностью поглощена своим сознанием.

Хлоя ворошит то, на чём стоит жирный знак «запрещено». Я хочу вычеркнуть. Забыть. Чёрт! Не получается!

Как вырвать страницу, которая сильно влияет на судьбу? Ведь сейчас за светловолосой небожительницей с трогательным голосом на сцене скрывается осквернённая девушка, потерявшая близких. И с того момента сюжет моей жизни изменился.

Меня сломала смерть родителей. К сожалению, в восемь лет ты уже всё осознаешь. Было больно. Но с годами я поняла: я не могу опустить руки — ради них.

Они хотели, чтобы я была счастлива. И я буду.

Шестнадцать лет назад. Нью-Йорк.

— Риана! Что ты делаешь?! — раздаётся издали мамин голос.

Мои кулаки стараются ударить ещё сильнее по белокурому мальчишке, который называет мои веснушки бациллами феи.

Так происходит моё знакомство с новым соседом. Мы с ним одноклассники, и по габаритам я ему не уступаю — это играет мне на руку. Он не ожидает, что я накинусь на него. Этот мальчишка уже неделю достаёт меня своими комментариями и рассказывает всем небылицы вроде: «На тебя чихнула фея, и эти пятна никогда не пройдут».

Но моё терпение лопнуло.

— Отпусти, ненормальная! — Элиот пытается столкнуть меня с себя, но у него не получается.

Я надела рюкзак спереди и толкнула его с разбегу, заваливаясь на него сверху. Рюкзак между нами — как баррикада, не даёт ему возможности избавиться от двойного балласта так легко.

— Ты получишь то, что заслужил, Райли! — продолжаю бить его по плечам, по лицу.

Но мой титул «борец за справедливость», который я сама себе присвоила, трескается в следующий миг. Сильные руки отца поднимают меня вместе с рюкзаком одним движением.

— Риана Олсон, угомонись! — строго говорит папа, оттаскивая меня от Райли.

— Он первый начал! — дыхание сбивается, мне трудно говорить ровно, но меня это не останавливает.

Я дёргаюсь в сторону Элиота, который пытается подняться с мокрого после дождя газона. Но папа преграждает путь, загораживая соседа от меня. А мама, появившаяся уже рядом с нами, помогает ему встать.

— Элиот, всё в порядке? — она встряхивает ему кофту на спине. — Как она тебя прилично-то...

— Это ещё не всё! — скидываю с себя рюкзак и швыряю в сторону, насколько позволяют силы. — Ты так просто не отделаешься! — на последнем слове ощущаю резкую невесомость, и мир переворачивается перед глазами. Отец закидывает меня на плечо и уносит к дому. Одной рукой придерживает, второй несёт рюкзак.

На веранде я уже стою на ногах и наблюдаю, как папа достаёт камни из моего импровизированного балласта.

— Ну и зачем это? — уточняет он с лёгкой улыбкой.

— Я не такая сильная, как ты. Мне нужно было увеличить вес, чтобы завалить Райли. — Внутри всё ещё горит азарт — хочется вмазать ему ещё.

— За смекалку — пять, за поведение — единица. — Папа начинает громко смеяться.

— Риана, дочка! — мама подходит к нам. — Ну что за новости у нас во дворе?

— Мам! Он обзывает мои веснушки бациллами феи! — непроизвольно топаю ногой.

— Он просто не знает, как с тобой подружиться, вот и всё. — Она ухмыляется, и её тревога улетучивается.

— Не буду я с ним дружить! Я хочу быть счастливой принцессой, как в сказке. А такие, как наш сосед, портят мне настроение!

— Принцессы не дерутся, Риана. — Мама проводит тёплой ладонью по моей щеке и поправляет перекошенную кофту. — Но можешь не сомневаться: ты будешь той, кем захочешь. Мы с папой тебе в этом поможем.

— Для нас самое важное — чтобы ты была счастлива. — Папа целует меня в висок и убирает пряди волос, выбившиеся в процессе моего плохого поведения.

Мама подмигивает, и я знаю: всё будет хорошо. Папа кладёт руку мне на плечо, и я знаю: я не одна. Они — моя опора, моя крепость. С ними я смелая. С ними я дома. Мы — команда. И это самое лучшее, что есть в моей жизни.

Поддержка родителей перекрывает моё испорченное настроение, и я обнимаю их обоих — ощущая любовь и веря каждому их слову.

Когда я вырасту, я хочу быть как мама. И чтобы у меня был муж, как папа. Потому что они — моя самая любимая сказка. И я хочу, чтобы эта сказка никогда не заканчивалась.

Сейчас это единственное, что мною движет. Я должна до последнего биться за своё счастье.

Но параллельно с той частью меня, что восстанавливалась после гибели мамы и папы, другая часть медленно сгорала и превращалась в пепел. Постепенно. Из года в год. Я не осознавала этого до момента, пока Хлоя не открыла мне глаза на весь происходящий со мной «абсурд».

Я приняла то, что было со мной на протяжении долгих лет.

Правда — приняла и смирилась. Но излечиться не могу. Никто не поможет мне в этом.

Собираю волосы в высокий хвост, переодеваюсь в ярко-голубой спортивный костюм и собираюсь домой.

Бармен начищает бокалы до блеска, официантки моют столы. Сэм с каким-то незнакомым мужчиной сидят за VIP-столиком. Как обычно, Смит широко улыбается, пересчитывая внушительную выручку после моего выступления. Взгляд прикован к купюрам, но при этом он успевает ещё и поддерживать разговор.

По традиции подхожу к боссу за своей долей. Его собеседник сидит ко мне спиной. Сэм замечает меня заранее, достаёт конверт и кладёт на край стола.

Незнакомец медленно оборачивается, и воздух вокруг будто сгущается, становясь плотнее.

Он улыбается. Сначала осторожно, словно примеряясь, а потом чуть шире — одними уголками губ, и от этой сдержанной улыбки у меня почему-то перехватывает дыхание.

Я вижу его впервые. Широкие плечи. Жёсткие, словно высеченные из камня черты лица. Тёмные волосы, небрежно падающие на лоб. И глаза... серо-зелёные, с таким глубоким, пронзительным оттенком, что хочется заглянуть в них ещё и ещё, забыв, где ты и как тебя зовут.

— Спасибо за выступление. Это было завораживающе. — Голос не уступает силе его взгляда.

Впервые в этих стенах меня поблагодарили.

Обычно посетители молча покидают это место. Даже если я выхожу в зал, мне никто не говорит тёплых слов. Думаю, всю похвалу передают через Сэма — который, кроме гадостей, ничего не может сказать. Его цель — не раздуть моё эго, с чем он сталкивается по любому поводу.

В плане подхода они с моим опекуном очень похожи. Когда Генри устраивает мероприятия, он не позволяет слушателям обмолвиться со мной даже парой фраз. Бурные аплодисменты и восторженные взгляды из зала — единственный знак благодарности, который я получаю.

Но в отличие от Сэма, цель у Генри другая.

— Риана? Ты напелась, что аж сил говорить нет? — босс возвращает меня из раздумий.

— Не дождёшься.

Раз он позволяет при своём друге продолжать обращаться со мной неуважительно, то кто я такая, чтобы строить из себя благодетельницу?

— Я буду петь, даже когда твой бар развалится, — хмыкаю я.

— Риана... — недовольно предупреждает он.

— Сэм, успокойся. — Незнакомец холодно прерывает Смита, чем удивляет меня.

— Я её уволю скоро на хрен! Терплю только за выхлоп в её смену! Посмотри, сколько денег! Посетители дольше сидят, когда она здесь! — трясёт пачкой купюр перед его лицом.

— Уволишь — потеряешь посетителя в моём лице. У тебя здесь, кроме как пить, делать нечего. — Лёгкая усмешка — и балл в мой адрес.

— Всё! Риана, бери деньги и иди. До послезавтра. — Босс раздражённо отмахивается от меня, как от надоедливой мухи, и снова переключается на деньги с конвертами, разложенными перед ним.

— Доброй ночи, — соблюдаю этику и ухожу.

Спиной чувствую, как её прожигает взгляд незнакомца. Ощущение спадает, только когда я покидаю бар.

Такие мужчины, как этот незнакомец, редко появляются в этом баре. Подобный типаж любят все. Красивый, статный. Но на меня они не производят впечатления — благодаря моему опыту.

Моя внутренняя чернота прикрыта удачной внешностью, о которой мечтают многие девушки. Блондинка с голубыми глазами, ростом сто семьдесят, с фигурой с выделяющимися формами груди и бёдер. А самое главное — характер: могу быть как доверчивой ланью, так и королевской коброй. Спасибо моему опекуну за второе. И конечно, возможности моего голоса играют немаловажную роль.

Но я бы отдала всё это. Променяла бы на самый отвратительный голос. Хоть сдерите с меня скальп — но дайте мне свет внутри.

Я презираю таких мужчин. До ледяного нутра. До тошнотворной пустоты. Я выделяю их в отдельную категорию ублюдков.

НЕ-НА-ВИ-ЖУ. Эта ненависть сжирает меня заживо.

Тот, кого я считала семьёй большую часть жизни, стёр меня созданной иллюзией. Он годами выжигал меня дьявольской изощрённостью. Теперь я просто пустая оболочка.

Здравый рассудок воет: сдать эту мразь в полицию.

Ха. Только они не поверят. Но время придёт, Генри. Клянусь, ты окажешься по ту сторону баррикад. В той же преисподней, из которой я так и не смогла вырваться. Там ты будешь скулить, молить о пощаде — и я лично затолкаю тебя глубже, в вечную муку, которую ты мне устроил.

Глава 2

Риана Олсон

Моя жизнь — сплошной симулятор, где контроль — иллюзия.

Но после каждого Game Over начинается загрузка нового уровня. И в этот раз я войду в него уже сценаристом.

Поднимаюсь на зеркальном серебристом лифте на девяностый этаж престижного верхнего Ист-Сайда района Манхэттен.

С каждым этажом стены лифта словно сжимаются всё плотнее, нащёптывая: «Беги отсюда, Риана». Это давление я чувствую каждый день.

Я заставляю внутренний голос умолкнуть, глушу тревогу и вхожу в просторную квартиру. Светлый интерьер, бежевые тона создают иллюзию спокойствия. Но эта мягкость — лишь маска. Под ней скрывается мрак.

Бросаю сумку на пол и быстрым шагом иду на кухню налить воды. Нужно успокоить горло после сотен слов со сцены и запереться в своей комнате.

Не успеваю наполнить стакан, как до меня доносится ненавистный голос.

— Как выступление? — интересуется Генри, барабани пальцами по мраморному «острову».

— Отлично, — отвечаю сухо, не оборачиваясь. Осторожно ставлю графин и делаю глоток.

— У твоей мамы сегодня день рождения, — с сожалением напоминает он и перестаёт стучать по столешнице.

— Я в курсе, — грубо отрезаю.

— Пела её любимую песню, как обычно?

— Как всегда, — ставлю стакан в раковину со звоном и поворачиваюсь к нему лицом. — Ещё вопросы будут?

Генри Линч — одноклассник мамы, друг семьи и мой опекун после смерти родителей. Он стал продюсером, как и мой отец, и тем, кто устраивает мне будущую карьеру ещё до окончания учёбы. К моему сожалению, я не могу избавиться от этого человека так просто — несмотря на то, что я совершеннолетняя.

— Не будет, — опускает взгляд в пол. — Ты устала, наверное. Может, мне подключиться и сменить твою постоянную подработку на достойную? — на последнем слове смотрит на меня исподлобья.

— Нет, Генри. Мне от тебя ничего не нужно. В своё время ты сделал достаточно, — стараюсь говорить спокойно.

— Прости. — Он уходит к себе в спальню.

С виду он выглядит безобидным человеком. Всегда безупречен: строгий костюм, галстук, каштановые волосы аккуратно уложены. Но за его светлыми глазами скрывается тягучая смесь. Он умеет спродюсировать жизнь других так, что те, кто попадает на его удочку, даже не понимают этого. Я тому подтверждение.

Мерзавец. У меня от него мурашки по коже пробегают. Настолько меня будоражит его присутствие рядом. Только эти мурашки — не от кайфа. Это словно кожа хочет выпустить иголки, чтобы защититься.

Иду к себе, чтобы больше не пересекаться сегодня со своим вынужденным «родственником».

Моя шикарная комната напоминает спальню несчастной принцессы, запертой в башне под охраной дракона-опекуна. Высокие потолки. Огромная кровать, окаймлённая перламут-

ровыми мягкими тюлями. Длинный туалетный столик для моих образов. Панорамные окна с видом на небоскрёбы Манхэттена и выходом на крышу, где отдельный бассейн.

Это моя прихоть. У той, кто поёт для пьянчуг в баре, есть другая сторона жизни. Дорогая. Роскошная.

После переломного момента я подняла вопрос о том, что хочу отдельный бассейн. И опекун выполнил моё желание. Мы переехали в новую квартиру со всеми удобствами, как я и хотела. В счёт моего морального ущерба.

Растягиваюсь на кровати и смотрю в потолок — на своё отражение в глянцевом полотне. Интересно, как бы повернулась моя жизнь, если бы мама и папа были живы?

Они попали в автокатастрофу: отказали тормоза, и автомобиль влетел под фуру. В тот день со мной осталась няня.

Четырнадцать лет назад. Нью-Йорк.

Звонок в дверь заставляет бросить игрушки и бежать встречать родителей. Я обещаю, что дождусь их и не лягу спать.

Обгоняю в коридоре няню и подбегаю к двери первой. Сразу открываю замок. Я ожидаю увидеть маму и папу, но на пороге сталкиваюсь с тяжёлым взглядом Генри.

Улыбаюсь ему, но его выражение лица не меняется в ответ — это на него совсем не похоже.

— Генри! — бросаюсь к нему и обнимаю. — Мы с Ниной заварили вкусный чай с брусничкой и сделали ватрушки с вишней. Сейчас ещё мама и папа приедут, — тараторю я.

— Ана... — он обнимает меня в ответ.

— Ты почему такой грустный? — смотрю на него снизу вверх, не отпуская.

— Кристен и Марк не приедут.

— Задерживаются? Папу опять заняли на площадке? — надуваю губы в обиду.

— Они погибли, Ана. — Его слова отдаются эхом в голове, и я теряю связь с реальностью.

Что испытывает ребёнок, когда в один день теряет обоих родителей — лучше не знать. Как говорят многие исследователи детской психики: до трёх лет ребёнок считает своих родителей всем. Они — его безграничная вселенная. После он начинает социализироваться, и его мир расширяется за границы «мама и папа». И если убрать родителей, мир ребёнка рушится.

В свои восемь лет мой мир померк. словно мой маленький остров накрыло волной, и он ушёл под воду без шансов.

Генри не готовил меня к этой новости. Может, это его ошибка. Очередная.

Теперь всё кажется другим. Будто зеркало раскололось, и его осколки разлетелись повсюду, впиваясь в меня. Они больно кромят душу и тело.

Сажусь на полу у открытого окна своей комнаты, утонувшей в приглушённом свете ночника.

В руках фотография — меня обнимают с двух сторон улыбающиеся родители, а я смеюсь. Счастье исходит от кадра и бьёт прямо в сердце. Внутренняя боль усиливается и превращается в онемение.

Внезапно раздаётся стук в дверь.

Генри тихо входит в комнату. Опускается напротив и протягивает мне кружку горячего какао с маримэллоу.

Как делала мама. Это маленькое прикосновение из прошлого возвращает частичку её заботы.

— Я тоже по ним скучаю. Но твоё положение лучше моего, — тихо говорит Генри.

— Почему? — отпиваю какао. Закрываю глаза, стараясь представить родителей рядом.

— Твои родители стали твоими ангелами и будут всегда с тобой. Я уверен, что Кристен с Марком сейчас с нами в комнате. Просто мы не видим их. Ты со временем научишься ощущать их присутствие.

В этот момент с открытого окна веет тёплый ветер и обнимает меня со спины. И я пытаюсь зацепиться за это ощущение как можно дольше.

— Думаешь, они всегда будут со мной? — неуверенно спрашиваю я.

— Конечно, — соглашается он, заставляя меня задуматься.

Он целует меня по-отцовски в макушку и обнимает за плечи. Второй рукой достаёт из кармана пиджака цепочку и протягивает мне на раскрытой ладони мамин медальон.

— Нашли на месте аварии. Думаю, она бы хотела, чтобы ты сохранила его.

Ставлю кружку на пол и беру золотое мамино сокровище. Раскрываю и смотрю на мини-атюрную фотографию родителей со счастливыми улыбками — со дня их свадьбы.

Они смеялись. Они мечтали. Они хотели состариться вместе. Они хотели видеть, как я вырасту. А теперь у меня только этот медальон.

Прижимаю его к груди. Металл греется от моего тела.

«Я вас люблю. И я стану счастливой, как вы хотели».

Внутри становится чуть теплее. Потому что теперь их улыбки всегда со мной. В этом маленьком золотом сердечке. На моей груди. Рядом с моим сердцем.

— Ана, если ты не против... Я бы хотел стать твоим опекуном. Я не смогу заменить ни отца, ни мать. Но помогу тебе справиться с трудностями, — робко предлагает Генри.

Я отношусь к нему как к родному дяде. Он — единственный близкий человек, который остался рядом.

— Дядя Генри, спасибо.

Как же я ошибалась. Хочется телепортироваться в прошлое и защитить ту маленькую девочку. Оттолкнуть этого подонка и не подпускать к ней ни при каких обстоятельствах.

Стук в дверь вдруг вырывает меня из круговорота прошлого.

— Ана? — до моего слуха доносится самая ненавистная интерпретация моего имени. Аж зубы сводит от омерзения.

Линч стоит за дверью и явно не решается открыть. Знать я напугала его тогда. Он не осмелится сделать шаг в мою комнату — кишка тонка.

Звучит ещё один стук, настойчивее прежнего.

Ровно через тринадцать секунд слышу, как звук шагов затихает в глубине коридора.

Я спокойно выдыхаю. Продолжаю смотреть в глаза собственному отражению на потолке. Там вижу боль. Надежду. Касаюсь медальона на груди и ожидаю, когда сон укроет меня, избавляя от реальности, — как мягкое одеяло, скрывающее мои раны.

Джульямская школа стала для меня гаванью. Здесь я выдыхаю и становлюсь обычной студенткой — с грандиозными планами на будущее, той, кого за воротами не ждут оковы обстоятельств.

Иду по коридору в сторону аудитории.

— Риана! — кричит Хлоя.

Я оборачиваюсь. Янг в компании с нашим общим другом догоняют меня.

Элиот Райли — мой сосед ещё с тех времён, когда я жила с родителями. В первый год мы случайно столкнулись и сразу узнали друг друга.

Он кардинально изменился: стал выше меня на голову, возмужал, перестал говорить всё, что думает, и ни разу не упомянул мои веснушки. Но я уверена: если бы Эл однажды вспомнил и проронил вслух что-то о фее и её бациллах, я бы не постеснялась снова налететь на него.

Несмотря на то, что я знаю его дольше, чем Янг, она всё равно остаётся самым близким человеком.

Я и Хлоя учимся на вокальном отделении, Элиот — на актёрском мастерстве.

— Привет, ребят. Хлоя, как смена? — уточняю сразу, хотя по её радостному лицу видно, что всё удачно.

Она обнимает меня со спины, а Элиот равняется с нами.

— Сегодня прекрасно! Только Сэм орал с утра — я думала, стаканы на подносе расколются. Его новая вокалистка не сможет выйти в смену. Сегодня в баре корпоратив по случаю дня рождения. Он тебе звонил, но не дозвонился. Я уже собиралась уходить, но Смит меня поймал с расспросами.

— Когда не моя смена, я ставлю Сэма в чёрный список. И он знает об этом. Странно, что он надеялся дозвониться, — напоминаю ей.

Я не против выручить, но против того, чтобы мне указывали и высокомерно смотрели в глаза. У нас с Сэмом свои отношения.

— По-хорошему, девчонки, вам обеим пора закрыть дверь в это вонючее место, — когда тема бара поднимается, Райли всегда высказывается против нашей подработки. — Оно не достойно таких, как вы.

— С чего бы оно было вонючим?! — Хлоя наваливается на Элиота и взъерошивает ему волосы. — Я лично мою там столы!

Он хватает неугомонную Янг и закидывает на плечо.

— Ты из всего сказанного услышала только про вонь? Ох, эти женщины! — Элиот смеётся и продолжает нести её в аудиторию, пока та возмущается.

— Риана, босс снял мне все смены, — переключается Хлоя обратно на меня. — Сказал: если я тебя не уговорю, потеряю работу, — говорит, болтаясь на плече у Райли.

— Эл прав, найди другую. Ты со смены приходишь на учёбу. Не спала, не ела. Давай я тебе помогу с деньгами, а ты найдёшь подработку в другом месте?

— Прости, подруга, но деньги такого человека, как твой опекун, мне не нужны, — фыркает она.

Райли многого не знает. Он в курсе повышенного контроля со стороны Линча, поэтому у него не возникает вопросов к отношению Хлои к нему. Тем более он знает, кем были мои родители, и, наоборот, рад, что такой человек, каким все видят Генри, взял меня под своё крыло.

— Могу отдавать выручку с бара за выступления. Я не нуждаюсь в них.

— Может, просто выйдешь на смену? Ради меня, — складывает ладони, умоляя. — Ты же знаешь: когда дни рождения или мальчишники, Сэм очень добрый. Да и гости щедрые на чаевые. — Хлоя часто ведёт себя робко, но это всё затмевает её настойчивость, когда ей что-то нужно.

— Только ради тебя, — соглашаюсь сразу, не видя смысла тянуть.

— Рано, Риана, ты сдалась, — отмечает Эл, не оборачиваясь.

Хлоя ударяет его ладонью по спине глухим хлопком.

— Ты заноза, Райли! Спасибо, Олсон! Ты мой герой! — её звонкий голос разносится по всему коридору, привлекая внимание других студентов.

Мы проходим в аудиторию, и я замечаю рядом с преподавателем ректора. Он внимательно всматривается в каждого, кто заходит.

— Риана Олсон! Пройдём ко мне в кабинет. Преподавателя я предупредил. — Он сразу выходит из аудитории, приглаживая блестящую от геля тёмную шевелюру.

За ним ощущается шлейф дорогого парфюма. Идеально выглаженный серый костюм, начищенные туфли. Но это не отменяет того, что он ещё один тюфяк, который считает, что может указывать.

Идти далеко не приходится — буквально через несколько кабинетов от аудитории мы проходим к нужной двери.

— Мистер Эндрю, я слушаю вас. — Хочу скорее разобраться с причиной моего присутствия в его кабинете и вернуться к ребятам.

Ректор присаживается за рабочий стол и указывает жестом на стул напротив.

— Присаживайся, — с наигранной вежливостью предлагает он.

— Нет, спасибо. — Скрещиваю руки на груди и замечаю, как взгляд ректора становится неодобрительным. Брови опускаются к переносице, губы сжимаются в тонкую линию.

— Четырёх лет обучения мне вполне хватило, чтобы изучить твой характер, — он поднимает указательный палец вверх, пробуждая во мне ту самую Риану, которая обычно не упускает бросить колкость. — Поэтому сразу предупреждаю: держи себя в руках. Сейчас зайдёт человек высокого полёта, мой давний друг. Он обратился ко мне за помощью, а так как его фирма выделяет нашей школе бюджет, мы не можем отказать ему ни в одной просьбе.

Я не успеваю даже открыть рот, как дверь кабинета распаивается без стука. Входит мужчина лет пятидесяти: деловой костюм, высокий, тёмные волосы с едва заметной сединой.

— А вот и наш гость, — ректор вскакивает и, как последний подхалим, судорожно хватая его руку для рукопожатия.

Ещё поцелуй ему её, продажная рожа.

— Риана, дорогая моя, — продолжает ректор. — У господина Ксавьера на днях состоится презентация в его компании, и мы бы хотели подключить тебя к участию в этом мероприятии.

— Нет, не так, — гость мягко, но уверенно прерывает напыщенную речь ректора. — Риана, я лично хочу предложить вам выступить на этой встрече. Моё единственное условие касается тематики песен. А вот какие именно вы будете исполнять — решать только вам. Что до гонорара — его размер вы тоже определяете самостоятельно.

— У меня нет времени, — грубо вырывается у меня.

— Олсон! — лицо мистера Эндрю наливается багровым от злости. Он делает шаг в мою сторону, но его снова обрывают.

— А если мы обратимся напрямую к вашему продюсеру, Генри Линчу? — спокойно уточняет Ксавьер. — Какова вероятность, что он включит наше предложение в ваш график? У меня нет времени искать кого-то ещё, а Эндрю настойчиво рекомендует именно вас.

Этот мужчина ведёт себя настолько вежливо, что мне становится неудобно за свою дерзость.

— Думаю, он что-нибудь придумает, — ректор отвечает за меня.

И вот мы подходим к финалу, который был предreshён ещё до того, как я вошла в этот кабинет.

Генри любит деньги — особенно те, что легко достаются. Я почти уверена: он без колебаний отправит меня на это мероприятие. И, честно говоря, меня от всей этой ситуации уже подташнивает.

Спасибо хотя бы за то, что предложили лично мне, а не сразу пошли к Линчу.

Выступление на встречах, реклама, закадровая озвучка — моё увлечение постепенно превратилось в обязанность перед опекуном.

— До встречи, господин Ксавьер. — С этими словами покидаю кабинет.

Меня даже не удивляет результат разговора.

Знаете, что самое тяжёлое? Даже не то, что за тебя решают. А то, что, даже если ты скажешь «нет», всё равно будет по задумке Линча. Всё потому, что, если сейчас пойти против, можно на корню уничтожить своё будущее.

Выступаешь, где сказали. Поёшь то, что стоит в программе. Надеваешь костюмы, которые тебе выбрали.

Я задыхаюсь в этой вынужденной покорности. Мне нужно было место, где я могу дышать. И как ни странно, это место — бар Смита.

Спасибо боссу. Звучит абсурдно, но зато искренне. Как бы я к нему ни относилась, в его баре — единственная сцена, где я могу время от времени жить по своим правилам. Даже если из-за этого придётся собачиться с ним.

После пар мы с Хлоей заходим в бар. Стоит только переступить порог, как взгляд босса тут же цепляется за нас.

— Риана, моя певчая птичка! Как же я рад тебя видеть! — Смит разводит руки и сразу направляется к нам.

Он обнимает нас обеих разом.

— Хлоя, как дела? Как настроение? — продолжает, как всегда, перегибать палку.

Пока Хлоя стоит в шоке и краснеет, я уже готова высказать ему пару «вежливых» слов за его фальшивый спектакль.

— Тс-с, — заметив мою реакцию, Сэм снова переключается на меня и подходит почти вплотную. — Вижу, вижу, — ухмыляется он. — Не терпится испортить мне настроение прямо сейчас, да?

— Ты... — начинаю, но его ладонь тут же закрывает мне рот.

— Тихо, Олсон. Молчи. Если сегодня что-нибудь сорвёшь — лично тебя покусая, — он натянуто улыбается и медленно убирает руку, приподнимая ладони вверх, словно в знак примирения. Делает пару шагов назад:

— Готовимся, леди! — подмигивает и уходит — предполагаю, донимать бармена.

Громко выдыхаю, и Хлоя это замечает.

— Ри, пожалуйста. Только не сегодня, — шепчет она, и мы расходимся по своим рабочим местам.

Сэм сегодня встречает нас как-то чересчур приветливо. Но я знаю: вся эта щедрость — временная. Как только я выполню свою «миссию», его хорошие манеры улетят к чёрту — и надолго.

На удивление, босс прогнал весь вечерний сет, включая мои песни. Обычно он даже не утруждает себя тем, чтобы меня проверить.

Очень интересно, что за гость.

Пока мы готовимся, Линч одно за другим шлёт мне сообщения: рассказывает, что ему звонил ассистент господина Ксавьера Прайса и озвучил просьбу. Ради лживого приличия Генри ещё и спрашивает, хочу ли я принять предложение, но я просто выключаю телефон, так и не ответив.

Спустя полчаса дверь в мою крошечную гримёрку распаивается без стука. За все эти годы Линч впервые решается нарушить наше негласное правило — не нарушать мои личные границы. Тем самым он даёт мне отличный повод послать к чёрту и его, и все договорённости с Ксавьером Прайсом.

Глава 3

Риана Олсон

Ты не даёшь себе воли на чувства, потому что считаешь: контроль — это безопасность. Но однажды приходит человек, который доказывает обратное. Безопасность — это когда есть кому разбить твою броню и не уйти.

Линч проходит ко мне медленно и уверенно. Осматривает моё пространство — на его лице скользит еле скрытая брезгливость. Изучив всё, переключает внимание на меня.

— Что ты здесь забыл? — спрашиваю холодно, не оборачиваясь.

— Ехал домой, решил зайти. Сэм приветливо меня встретил и сказал, где твой... кабинет.
— На последнем слове цокает, будто это место не имеет никакого значения.

Но ему этого и не понять.

— Тем более, — продолжает он, — ты выключила телефон. Решил ввести тебя в курс планов на завтра лично. У тебя выступление на мероприятии Прайса. Не вздумай бунтовать.
— Его тон резко переходит в режим приказа. Хмурый лоб, губы плотно сжаты.

Давно я не видела его в таком амплуа. Интересно, всё дело в авторитете Прайса в городе?

Но Линч не пугает меня. Даже его появление здесь не вызывает ни удивления, ни шока. Единственное чувство, которое он сейчас вызывает, — вцепиться ему в лицо ногтями и выцарапать уверенность в моей покорности.

Но пока я наблюдаю за ним через отражение в зеркале.

— Смотрю, ты упускаешь один момент. У меня выпускной курс. Ты же понимаешь, что нет времени на все предложения подряд. Мне нужно больше свободного времени, чтобы подготовиться.

— Говорит мне та, кто находит время для ущербного бара.

Не торопясь, собираю косметику в органайзер на столике и подхожу к нему. Прямо сейчас готова напомнить, какой он конченный человек и что у него нет права даже говорить со мной в подобном тоне после всего, что он сделал.

Но осекаюсь от его взгляда. Остро ощущаю опасность, но стараюсь гнать это наваждение. У нас с ним всё обговорено, и это работает из года в год.

На мне надета пышная чёрная юбка и красный корсет. Генри оценивает мой внешний вид — тонкая морщина между его бровями становится глубже.

— Мы договаривались, что я сама разбираю предложения, поступающие тебе, а ты получаешь деньги. Ты и так с меня поимел немало, — умышленно напоминаю ему.

Беру с вешалки пиджак и накидываю на голые плечи. Сегодня мой образ выбрал Смит. Юбка достаточно короткая, но я выгляжу элегантно. Танцевать на сцене мне не нужно, поэтому всё в порядке. Но это не может не вызвать вопросов у моего опекуна. В свою очередь он дотошно уделяет внимание моим образам. Даже руки всегда закрыты — не давая увидеть больше, чем нужно.

— Прайсу не отказывают, — продолжает давить он. — Риана, ты выступишь. — Делает шаг ко мне, сокращая расстояние между нами до минимума. — Я. Твой. Продюсер.

Его парфюм ударяет в обоняние. Я заставляю себя почти не дышать — лишь бы не вдыхать этот аромат, ставший для меня омерзительным.

Молча обхожу его и открываю дверь, чтобы выйти и закончить разговор.

Генри резко хватает меня за запястье одной рукой. Вторая — врезается ладонью в дверь, и та захлопывается обратно, отрезая путь к отступлению.

Щелчок замка — как спусковой крючок.

Я не показываю замешательства. Не даю ему этого удовольствия. Хотя желание влететь с размаху ему в лицо разгорается в груди всё сильнее — жарким, колючим комком, который просится наружу.

— Неужели нашёлся тот, кто твой накрученный авторитет ни во что не ставит? — говорю бесстрастно.

Снаружи — лёд. Внутри — кислота, разъедающая стенки.

— Риана...

Его взгляд опускается на декольте. Он начинает тяжело дышать — шумно, с присвистом, как зверь, учуявший добычу. Я знаю этот звук. Он въелся в память глубже любого шрама.

«Какого чёрта ты творишь, Линч?» — мысль вспышкой проносится в голове, но я не успеваю среагировать на следующий выпад.

Генри сжимает запястье сильнее. До боли. До хруста, который вот-вот прозвучит где-то внутри сустава. Рывок — и он притягивает меня к себе, вдавливая всем телом в шкаф без дверей. Мягкая ткань костюмов амортизирует удар, но это не делает его мягче.

Он набрасывает на мою шею удавку воспоминаний. Тех самых, где он был сверху, где его дыхание смешивалось с моим, где я ещё не научилась говорить «нет». Грубая, шершавая ладонь пробирается под юбку — уверенно, нагло, собственнически. Пальцы впиваются в ягодицу, сжимают, мнут, будто проверяя, что я всё ещё здесь. Всё ещё его вещь.

Я толкаю его свободной рукой. Упираюсь в грудь, пытаюсь создать миллиметр пространства между нами. Вторая рука продолжает терпеть натиск его мёртвой хватки — пульс бьётся где-то в пальцах, тщетно пытаюсь пробиться сквозь стальной захват.

— Отпусти меня! — почти рычу сквозь стиснутые зубы.

Тотальный игнор.

Генри тянется к моим губам. Я отворачиваюсь — резко, до хруста в шейных позвонках — и зарываюсь лицом в висящие костюмы. Я хочу раствориться. Исчезнуть. Испариться. Всё что угодно — только бы не чувствовать его рук на своей коже снова.

Он целует моё лицо — коротко, напористо, не спрашивая разрешения. Перемещается на шею. Влажный. Горячий. Настоячивый.

Я не кричу.

Не издаю ни звука.

Где-то в затылке — внутри черепа, за плотно сжатыми веками — просыпается голос.

«Ты обещала, что не позволишь этому случиться вновь».

Я сильно зажмуриваюсь — до белых вспышек, до рези под веками. Но темноты нет. Перед глазами слишком ярко горят воспоминания. Кадры, которые я перематывала сотни раз, но так и не стёрла. Его руки. Его дыхание. Его голос, шепчущий то, что я хотела забыть.

И вот она — волна.

Густая. Тяжёлая. Поднимается откуда-то из живота — липкая, как нефть, горячая, как лава. Заполняет грудь, распирает рёбра изнутри, сжимает горло удавкой, которую я сама на себя накинула.

Отвращение.

Чистое. Физическое. Такое, от которого хочется вывернуть кожу наизнанку — содрать с себя каждый сантиметр, к которому он прикоснулся. Оставить только мясо и кости. Лишь бы не чувствовать его отпечатков на себе.

А следом — шелчок.

Струна, державшая меня в оцепенении, лопается с металлическим звоном. Отвращение перестаёт быть просто чувством. Оно становится топливом. Заливает всё нутро — и заполняет пустоту.

Ударяю коленом в пах.

Метко. Жёстко. Отрезвляя его член так, как он этого заслуживает.

— Я сказала: не трогай меня!

Линч отлетает от меня. Врезается спиной в комод — органайзер с косметикой падает на бок. Губная помада скатывается по поверхности прямиком на пол. Его безумный взгляд гипнотизирует её, пока она не останавливается, докатившись до стены.

Я прерывисто дышу, вырывая последний кислород из лёгких, лишь бы удержаться за реальность. Упавшие пряди на лицо дёргаются от дыхания. Сжимаю зубы до ломящей боли в челюсти. Одной рукой нащупываю молоток в углу — готовая в случае чего обороняться.

— Я не знаю, что на меня нашло, — шепчет он, в первую очередь самому себе, и закрывает глаза. Глубоко выдыхает, окончательно пробуждая свой отбитый разум. Его руки дрожат.

Кожа от его прикосновений горит. Будто плавится, вскрывая прошлое, которое продолжает течь по венам и отравлять мою кровь. Мою жизнь.

— Пошёл вон отсюда. — Я не позволяю себе даже моргнуть, чтобы в случае чего не упустить его лишнего движения.

Линч проводит ладонью по лицу с нажимом и тянет руки ко мне — в знак примирения.

Молниеносно поднимаю молоток. Он замирает, считывая мои намерения.

— Я разобью тебе череп, если ты не свалишь отсюда сейчас же! — рявкаю я.

— Прости меня, Ана. — Быстрым шагом уходит, больше не взглянув на меня.

Дверь закрывается с грохотом, который отдаётся ударом внутри.

В животе появляется резкое неприятное ощущение — будто его схватили ледящей рукой и сдавливают. Резко. Сильно. До боли. Я сгибаюсь пополам, хватаюсь за мусорное ведро у двери.

Внутренний голос включается мгновенно: «Ты думала, что закопала это так глубоко, что никто не найдёт. Но это будет с тобой всю твою оставшуюся жизнь».

Пытаюсь дышать. Вдох. Выдох. Но воздух не приходит — горло перекрыто спазмом. Чувствую, как подкатывает ком. Сглатываю. Раз. Два. Пытаюсь держаться. Но воспоминания уже разворачиваются новыми кадрами.

Его руки на моей талии. Его губы на моей шее. Я помню, как когда-то это казалось обыденным. Всё как у всех. А сейчас от одной только мысли моё тело одолевает дрожь.

«Ты помнишь, как ты сама этого хотела? Как ты открывалась перед ним?»

Желудок делает сальто. Резко. Болезненно. Чувствую, как желчь поднимается к горлу. Горькая. Едкая. Открываю рот — и меня выворачивает прямо в урну.

Стою согнувшись, руки дрожат. Лоб покрывается липким потом. Выпрямляюсь. Смотрю в мусорку. Внутри — то, что осталось от воспоминаний. Физическое. Реальное. Оно вышло из меня, но внутри пустота — и она не приносит облегчения.

Ноги еле держат. Я сажусь на пол, почти падая. Облокачиваюсь затылком о стену и проваливаюсь в прошлое. Обнимаю себя за плечи — готовая снова утонуть в том, от чего закрылась.

Линч своей выходкой, одним своим прикосновением распахнул все двери памяти настезь.

Семь лет назад.

— Риана, повтори, что ты сказала? — Хлоя упирается локтями в стол и наклоняется ближе ко мне, чтобы никто из посетителей кафе её не услышал.

— Я говорю: Генри мне скандал устроит, если я соглашусь на свидание с этим парнем. Это ведь измена.

Пью ягодный смузи и смотрю в сторону симпатичного парня, который пару минут назад подходил знакомиться. А я, мягко говоря, послала его.

— Какая измена? Какой Генри? — щурится, будто хочет прочитать мои мысли.

Я не понимаю реакции Хлои на мои слова, но она явно в недоумении.

— Что за вопросы? Мой опекун, — напоминаю ей. Вопросы кажутся мне глупыми.

— Не понимаю, что к чему, — прикладывает пальцы к вискам и продолжает смотреть на меня как на ненормальную. — Твои слова заставляют меня думать о недопустимом.

— Ну как ты не понимаешь? Это обычная ситуация, когда люди вместе.

— Не может быть. — Она смотрит по сторонам и пододвигается ещё ближе. — В каком смысле вместе? Он тебе в отцы годится, — шепчет подруга.

— Мы обычная семья, Хлоя. У нас всё как у всех. Просто я озвучила тебе то, о чём молчат. Ты же моя подруга, и я ...

— Стоп! — коротко мотает головой, словно от наваждения. — Ты хочешь сказать, что тебя и Генри связывает любовная связь? — Её шок и страх передаются мне за доли секунды.

«Стоп» происходит в моей жизни прямо здесь и сейчас. Я рассказываю Хлое всё, а она открывает мне глаза на то, что со мной происходит. Я — как слепой котёнок, который вдруг начал видеть вокруг ясно и отчётливо.

Сперва я отказывалась принимать её объяснения, пыталась сопротивляться. Но через полчаса разговоров поняла: моя голова полностью обработана Линчем. И то самое главное его наставление изо дня в день — «счастье любит тишину» — развеялось как туман, оставляя передо мной истинную картину.

Мой порок — я очень похожа внешне на маму. Генри так отзывался о ней, так ценил её, что влюбился в меня. Я действительно считала, что у нас отношения как в каждой среднестатистической семье. Когда я спела свою первую песню в начальной школе, этот подонок увидел во мне будущую версию мамы.

И у него встал.

Он — мой первый мужчина.

Этот продуманный ублюдок спродюсировал наши отношения. Линч менял мои понятия постепенно. Сперва обнимал, касался, гладил. Создавал иллюзию, что это нормально, что так и надо. Потом просил, чтобы я его трогала везде.

Так мы пришли к моим двенадцати годам. Я созрела — и начались слабые проникновения. К пятнадцати годам я стала его полноценной любовницей.

И теперь каждый раз, когда приходится видеть Линча, внутри всё сжимается в тугую, ледяной комок ненависти. Он выступал в роли моего опекуна — того, кто должен защищать, но вместо этого годами вгрызался в мою психику.

Я уже не та девочка, которую Генри пытался сломать ради своей выгоды. Теперь я взрослая девушка, и моя ненависть — самая настоящая, без всяких оправданий. Он преподносил секс между нами как естественную часть отношений между почти «родственниками». Как что-то, что я должна принять. Но это всего лишь манипуляция, ложь и его грязная потребность.

От одной только мысли, что он когда-то касался меня или говорил эти слова, меня тошнит. Ненависть не просто кипит — она прожигает всё изнутри. Он больше не тот, кого я считала единственным близким. Он просто человек, которого я презираю всей душой.

После разговора с Хлоей я бегом направляюсь домой. Как только захожу в квартиру, сразу иду на кухню. Дрожащими руками наливаю стакан воды и пью залпом — будто хочу захлебнуться.

Никакого эффекта. Ледяная жидкость не остужает агонию внутри. Сознание горит в этом пекле.

Генри подходит сзади и кладёт руки мне на плечи. Я вздрагиваю.

— Ана? Я тебя напугал? — по голосу слышу, что он улыбается. — Извини.

— Не подходи ко мне! Больше не прикасайся, понял?! — уворачиваюсь от его рук и толкаю, отбегая на несколько метров. Поворачиваюсь к нему и отступаю, пока спиной не упрусь в стену.

— Ты чего? — заботливо тянет ко мне руки, и они висают в воздухе. — Я соскучился за день. Иди ко мне.

— Какой же ты больной! Ненормальный! — я даже не пытаюсь контролировать свой тон.

— Что за высказывания в моём доме? — он несколько раз моргает, не понимая моего поведения.

— А как это назвать?! — рявкаю я. Дыхание сбивается от злости на это чудовище.

— Какая муха тебя вдруг укусила?! — настороженно делает несколько шагов ко мне.

— Знатно ты промывал мне мозги столько лет, — ухмыляюсь. — Продуманный.

Он продолжает приближаться, и мозг проецирует его возможные действия. Если я не дамся по собственному желанию, он осмелится взять меня силой? Страх овладевает мной, подталкивая к безумию.

— Я сказала — не подходи ко мне! — подбегаю к столешнице, хватаю нож и прижимаю остриё к запястью. — Только подойди — и я вскрою себе вены, — сквозь сжатые зубы стараюсь достучаться до него. — Мне терять нечего, понял?!

— Ты совсем с ума сошла?!

Он делает рывок ко мне — и я разрываю кожу лезвием.

Я ищу в этом спасение для души, которая мечется и не понимает, как принять реальность.

Прихожу в себя в своей комнате — одна. Рука плотно перебинтована. Значит, не всё так плохо, как планировалось. Главное — получилось припугнуть его и показать серьёзность своих намерений.

Сажусь на кровать. Запястье начинает щипать под повязкой. Смотрю на свои руки. Они лежат на коленях, и я будто не узнаю их. Не узнаю себя. Внутри — безмолвная тишина. Ни одной мысли о том, что будет дальше.

Заставляю голову размышлять. Перебираю, как чётки, мысль за мыслью. И прихожу к выводу: самое страшное во всём этом — не то, что я поверила опекуну, а то, что я вела непозволительный образ жизни. Даже несмотря на то, что мне промыли голову.

Мир вокруг стал другим. Прозрачным. Я вижу все ниточки, за которые дёргал Линч. Я была грёбаной марионеткой.

«Теперь ты знаешь. Теперь ты видишь реальность. Что ты будешь с этим делать?» — спрашиваю саму себя — и мои руки начинают дрожать.

Но я не знаю ответа. Не знаю, кто я теперь. Знаю только, кем была. И это знание, теплом, останется со мной. Но, может быть, из этого тепла можно вырастить что-то другое? Новую Риану Олсон? Только я не представляю, как это сделать.

Генри Линч — масштабный продюсер, который дал мне все блага, но взамен забрал мою душу и превратил мой внутренний мир в ад.

Я не любила его. Я думала, это обычные отношения между «родственниками». После прозрения надеялась, что кто-нибудь поможет мне от него избавиться. Но когда я сбежала в полицию, благодаря его авторитету в городе всё списали на переходный возраст и отсутствие следов насилия. Тогда я поняла: у меня нет выхода. Пока что.

Я сломленная, разбитая — но не глупая.

Генри меня не трогал с момента моей попытки суицида.

Между нами всё обговорено: он не нарушает выстроенные мной границы, а я не делаю попыток посадить его и покинуть его дом.

Линч — осторожный человек. То, что случилось сейчас, — впервые за столько лет. Когда я смогу встать на ноги, я смогу избавиться от его контроля над моей жизнью. Он ясно дал мне

понять: если я уйду, он перечеркнёт моё будущее, к которому я стремлюсь, и оклеветает меня на всю страну.

Я одна. Поэтому нужно планировать каждый шаг.

После его грязных поцелуев я умываюсь с мылом. Кожу стягивает от сухости, но я тру лицо снова и снова. Наношу новый макияж. Замазываю уже проступившие синяки на руке. Переодеться нельзя — костюм выбран.

Смотрю на запястье, не отрываясь. Красные отпечатки напоминают о тех следах, которые он периодически оставлял на мне.

— *Моя Ана. — Рука нежно касается моих волос, пропуская их между пальцами. — В тебе идеально всё. Моя любимая девочка.*

Я привыкла к подобным словам. Генри так часто это говорит, что я не обращаю внимания. Не отрываюсь от семейной комедии, лёжа с ним в обнимку на кровати перед телевизором.

— *Ана, ты меня слышишь? — настойчиво спрашивает он.*

— *Что? — поднимаю на него взгляд. — Засмотрелась.*

— *Я говорю, что очень тебя люблю. — Блеск трепета отражается в его взгляде.*

— *Я знаю. — Дарю ему лёгкую улыбку.*

— *Почему ты не говоришь в ответ, что любишь меня? — тон резко меняется, и его рука на моём предплечье сжимается.*

— *Я люблю тебя не меньше, чем маму и папу. И ты это знаешь, — говорю, глядя прямо в глаза. — Мама всегда говорила, что любовь не нуждается в словах.*

Генри отталкивает меня на вторую половину кровати — я ударяюсь затылком о её спинку. Сам срывается с места. Не обращает внимания, что я держусь за голову и сжимаюсь от боли.

— *Пока сошлюсь на твой возраст! Но больше, — обходит кровать с другой стороны и хватает меня за скулы, сильно сжимая. — Чтобы не говорила мне подобное! — отталкивает и выходит из комнаты.*

Когда фильм заканчивается, на моём лице уже красуется синяк.

Сначала я не понимала его вспышек. Но ему нужны были слова о любви. То, что он не получил от моей матери, когда безответно был в нее влюблен. Это я поняла уже потом.

О какой взаимности может идти речь, если это аморально? Несмотря на промывку мозгов, я не рехнулась окончательно — чтобы влюбиться в него как в мужчину.

Кроме Элиота, все мужчины в моём окружении — либо куски похотливого мяса, либо эгоисты, действующие ради своей выгоды.

Линч, Смит. Даже взять Прайса. Я ему ясно дала понять, что не хочу участвовать в его мероприятии — он всё равно вышел на Генри.

Благодаря таким мужчинам прежней Аны больше нет. Я не позволю никому считать меня заводной куклой, которую любой может направить куда вздумается.

Спектакль, устроенный Линчем, и давление воспоминаний из прошлого отбивают у меня всякое желание петь все песни в честь «счастливого дня рождения». Мне нужна разрядка. Я подхожу к организатору и меняю одну песню на свою. Он молчит — знает: без этого я просто не выйду на сцену.

Крепко сжимаю микрофон.

Как всегда — куча мужчин за столиками, официанты неспешно проходят мимо, дотошно следя за порядком и желаниями гостей. Сэм сидит на своём месте вместе с тем же другом, что и вчера.

Я пою семь песен по плану Смита. Восьмую собираюсь спеть не для именинника — и не для всех этих людей.

Эту песню я пою только для себя.

Улыбка Сэма спадает, как только начинается музыка. Бросаю ему кривую усмешку и начинаю петь.

Я чувствую, как тьма внутри растёт,
Каждый вздох — это бой, сердце — треснувший лёд.
Я уже не та, кем была когда-то,
Облака грусти накрыли меня без возврата.
Боль пожирает меня изнутри,
Я больше не верю в тот свет, что горел внутри.
Я встала из пепла — но всё иное,
Я изменена, память стёрта, все теперь другое.

Каждое слово, сорвавшееся с губ, — это не звук. Это крик, который копился годами где-то под диафрагмой и теперь рвётся наружу, обдирая гортань. Глаза горят желанием выплакать кровотечение души по щекам — но слёз нет.

Музыка — единственное, что способно заткнуть этот наплыв эмоций. Врубить рубильник и погрузить сознание в тишину. Поэтому я закрываю глаза. Плотно. До последнего слова песни — как до последнего вздоха перед тем, как нырнуть с обрыва.

Когда открываю их — мир сужается до одного лица.
Я не замечаю никого, кроме него.

Незнакомец в первом ряду аплодирует мне стоя. Едва заметно улыбается — уголками губ, краешком глаз, той улыбкой, которую можно пропустить, если моргнуть. Но я не моргаю. И я вижу.

Сэм рядом краснеет от гнева — его скулы сведены, желваки играют под кожей, будто он пережёвывает собственную злость. Но я смотрю не на Сэма. Я смотрю на того, кто не сводит с меня глаз.

Сквозь его аплодисменты пробивается что-то большее, чем вежливость. Восхищение. И неизвестная мне поддержка, которая обволакивает. Каждая нота, каждый слог, который я только что выдавила из себя, были наполнены желанием спастись — выбраться из собственной шкуры, сбегать из тела, которое помнит слишком много.

А его взгляд... Он отвечает мне. Без слов.

Воздух становится плотным, как дым. Я не слышу аплодисментов — я чувствую их кожей, каждой оголённой клеткой.

Это длится на один вдох дольше положенного.

Мотнув головой, сбрасываю с себя наваждение. Резко. Решительно. Покидаю сцену, не оглядываясь. Каблуки стучат по полу в ритме, который всё ещё пульсирует у меня в висках.

Иду напрямиком к бару. Молча. Смотрю на бармена сквозь стеклянную пустоту.

— Пиво. И чипсы.

Бармен не успевает оформить заказ, как Смит появляется за моей спиной, одаривая меня всем своим негодованием.

— Ты что, мерзавка, вытворяешь?! — Басы его голоса ласкают слух.

— Воу-воу, босс, выдохни! — протягиваю ему свой стакан. — Расслабься, выпей пива. Сегодня же праздник.

— Кто тебе разрешил вносить свои корректировки, бешеная?! — он выхватывает стакан из моих рук и выпивает залпом.

— Все остались довольны, — развожу руки в стороны. — Задача от руководства выполнена.

Он с грохотом ставит пустой стакан на стойку.

— В этих стенах будешь петь то, что говорю я, — наклоняется ко мне так, что я вижу, как мышцы его лица дёргаются. — Сегодня не тот репертуар для твоей страдальческой попсы, Олсон!

Теперь вспыхиваю я. Встаю с барного стула — он вынужденно делает шаг назад.

— А то что?! Заткнёшь мне рот?!

— Если надо — заткну. Не сомневайся.

Несколько секунд напряжение между нами пылает. Мы дышим друг на друга, ощущая взаимное неприятие. Смит разрывает наш контакт первым и резко уходит.

Довольная возвращаюсь за барную стойку. Отпиваю пиво из нового стакана.

— У тебя что-то случилось? — интересуется бармен.

— Ничего, Пол. Всё в порядке, — улыбаюсь своей фирменной фальшивой улыбкой.

— Ты уж прости. Я, конечно, не ценитель музыки, но твоя последняя песня была сильной.

Ты как будто прожила каждое слово.

Я не прожила — а живу с этим. Эта песня отражает всю суть моего существования.

Опускаю взгляд на руку, где стёрся тональник и проступили синяки.

Как тонко. Песня будто оголила и душу, и кожу.

Внутри что-то надламывается — я чувствую, что срываюсь.

— Тебя не учили, что пытаться пробраться в голову малознакомому человеку, как минимум, некорректно? — видимо, сегодняшний день знатно пошатнул мой контроль над собой. — Парень, ты лезешь не в своё дело.

— Я не хотел тебя обидеть.

— Спасибо, Пол. Запиши пиво на счёт босса. До встречи.

Кто-то портит настроение, а кто-то пытается в этом дерьме ковыряться. Извините, но это уже без меня.

Возвращаюсь к себе, смываю всю косметику с лица. Переодеваюсь в джинсы и футболку со злым котом. Беру сумку и собираюсь на выход. Успеваю повернуться к двери, как Сэм влетает без стука. Ещё один идиот за сегодня решил, что ему дозволено заходить сюда без разрешения.

— Ты почему ещё не на сцене? Твоя пятиминутка закончилась... — Отрывает взгляд от телефона и смотрит на мой вид «а-ля я домой». — Не понял.

— На сегодня всё, босс, — скрещиваю руки.

— У тебя ещё одна грёбаная песня, Риана! Та, которую ты пропустила! — сжимает телефон в руке до побелевших костяшек.

— Голосовые связки устали. — Губы растягиваются в широкой улыбке. — Тебе стоило контролировать свой тон у бара, дорогой начальник.

— Если ты будешь меня подводить, я заставлю твою глотку работать по-другому! — переходит на крик и делает шаг в мою сторону, но его останавливает уже знакомый голос из коридора.

— Ты опять позволяешь себе орать на сотрудников.

Что за сборище мужчин-недоумков сегодня на моём квадратном метре?

Пока Сэм пытается подобрать слова для своего друга, чтобы описать весь спектр эмоций от моей очередной выходки, тот просит его выйти.

— Оставь нас. — Стоит отметить диктаторский тон. Ставлю на то, что этот парень и есть такой.

Как ни странно, Смит прислушивается.

Сверлю незнакомца взглядом, ожидая, что он поймёт и уйдёт вслед за своим другом. Здесь я решаю, кому быть, а кому нет.

— Вторгаться на чужую территорию — это перебор даже для таких, как ты, — бросаю ему для пушей убедительности в его бестактности.

Мой взгляд скользит по нему сверху вниз и возвращается к контакту с его взглядом. На нём синие джинсы и чёрное поло. Кольцо с чёрным камнем, дорогие часы на запястье. Не могу не отметить, как эффектно он сложен и дорого выглядит.

— Мы перешли на «ты»? — проходит по всему периметру комнаты, оглядываясь по сторонам. — У тебя здесь достаточно уютно.

— Здесь была комната уборщицы для всякого хлама. Не так много изменилось, чтобы я поверила в искренность твоей оценки.

— Ещё более похвально.

Подходит к криво висящему зеркалу и, недолго думая, достаёт из кармана запонку. Вдавливает её в стену, как гвоздь, выравнивая горизонт.

— Как кстати она сегодня сломалась. Ей здесь самое место, — улыбается мне в отражении.

Переключается и подходит ко мне вплотную, завершая смотрины моей норы в этом хаосе. И позволяет себе нахально разглядывать меня.

— Меня всегда умиляли веснушки. — Диктаторский тон пропадает, каждое слово наполнено лёгкостью.

— Многие считают этот кожный пигмент хуже, чем когда лицо покрыто прыщами.

— Люди мелочные. Стоит признать, в твоём случае они смягчают твой облик, который ты стараешься создать.

— Создаю облик? Я не притворяюсь и не надеваю масок.

— Стервы, которая яро ненавидит мужчин.

— Нужно мыслить шире. Может, я ненавижу людей в целом.

— Официантку защищаешь. Я знаю, что Сэм поставил ей условие её работы здесь. А вот с мужским полом у тебя блэкаут. — Наклоняет голову набок. — Заметил, что бармен тоже пострадал.

— Хм, — ухмыляюсь я в положительном ключе, подтверждая его слова. Он считывает меня полностью.

— Я даже в свою сторону чувствую презрение. Хотя это наш первый разговор один на один.

Мы молчим. И в этой тишине он продолжает всматриваться в меня так, будто читает книгу, которую я сама себе не давала открыть. А потом его глаза, как у каждого представителя противоположного пола, опускаются ниже. Я уже знаю этот маршрут. Уже готовлю внутри щит.

Но он не делает того, что я ожидаю.

Он позволяет себе схватить меня за руку — но хватка не грубая. Не требующая. Не наглая. Она — вопрос. Осторожный, будто он берёт в руки не мою ладонь, а что-то хрупкое, что может рассыпаться от лишнего усилия.

Осматривает мои синяки. Медленно. Внимательно.

Большим пальцем он поворачивает мою руку — и находит шрам на запястье. Тот самый. С того случая. Белая линия, которая пересекает вену.

— Это, надеюсь, не то, что я думаю? — его взгляд становится тяжёлым. Металлическим. В нём больше не любопытство — в нём сталь.

Я могла бы отдернуть руку. Могла бы соврать. Сказать, что порезалась стеклом, неудачно упала, кошка оцарапала. Но я устала врать. Устала подбирать слова, когда внутри — сплошное кровавое месиво.

— А что ты думаешь, видя свежие синяки и шрам от вскрытия вен? — я не убираю руку. Не вижу смысла. Пусть смотрит. Пусть знает. Мне терять уже нечего, кроме права на молчание.

Он хмурится ещё сильнее. Между бровей прорезается глубокая складка. Моя правда напрягает его — я вижу это по тому, как он сжимает челюсть, как его дыхание становится глубже, ровнее.

— Шраму не первый год, — говорит он тихо, не отпуская моей руки. — Я ещё по твоей песне понял, что у тебя не всё так гладко в жизни.

— Я не обсуждаю личное с теми, кого не знаю.

Он поднимает на меня острый взгляд. И улыбается — уголками губ, той улыбкой, которая не обещает лёгкости, но обещает честность.

— Дэймон.

Пауза.

— Думаешь, представился, и...

Я осекаюсь.

Замираю.

Потому что он осторожно проводит пальцем по моему шраму — вдоль белой линии, от края до края. Нежно. Медленно. Так, будто пытается стереть эту память с моей кожи кончиками пальцев. И продолжает изучать мою руку, не поднимая глаз.

А по моей спине пробегают мурашки.

Тысячи маленьких искр, которые зажигаются там, где его палец касается моего шрама. Ощущение новое. Незнакомое. Я впервые чувствую что-то подобное — и это не про страх, не про холод, не про желание сбежать.

Эти мурашки — не такие, как от Генри.

Они другие.

Будто моё тело впервые не просит защиты. Будто оно говорит: «Этому можно довериться».

Перед глазами всплывают кадры. Мы с Генри в душе. Мы с Генри в бассейне. Мы с Генри... Генри. Генри!

Презрение к себе накатывает с каждым воспоминанием — всё тяжелее, всё горячее. Всё тело горит, протестуя, будто память оставила ожоги прямо под кожей. Но там, где Дэймон прикоснулся ко мне, этого пламени нет. Напротив — кажется, будто он остужает внутренний жар, гасит пожар, который я уже привыкла считать частью себя.

Я хочу проверить...

Посмотреть на мужчину как на кусок мяса? Нет, это не про меня. Дэймон вызывает интерес другого сорта — не голодный, а изучающий.

Я хочу проверить, не совсем ли я сломана. Может, хотя бы на физическом уровне ещё есть шанс на исцеление?

— Риана? Тебе точно не нужна помощь?

Его голос вспарывает тишину, разрезает клубок моих мыслей. Он отпускает мою руку. Делает шаг назад. Предоставляет мне пространство — целую пропасть, которую я не просила.

И в груди — острый укол разочарования.

Без согласия разума, без паузы на сомнение, приходит мысль. Смелая. Глупая. Отчаянная.

— Поцелуй.

Голос звучит отстранённо, будто я читаю чужую реплику со сцены, глядя в зал пустыми глазами.

— Что? — брови Дэймона взлетают вверх. В его голосе — удивление пополам с недоверием.

— Просто поцелуй меня.

Слова пробуждают во мне противоречивые чувства. Одна половина кричит: «Что ты творишь?», другая — затаила дыхание и ждёт.

Дэймон делает шаг. Возвращается в моё поле — и мне становится легче дышать. Будто он — глоток холодной воды в агонии.

Он медленно приближается. Медленно, чертовски медленно, будто давая мне шанс передумать на каждом миллиметре расстояния. Его губы едва касаются моих — легче шепота, легче обещания.

Проводит языком по моей нижней губе. Проверяет мои слова на вкус. Проверяет разрешение.

И я открываю рот. Захватываю его язык в плен первой же секунды.

Возбуждение набирает обороты — резко, как удар тока. Вот оно. Настоящее. Не придуманное, не вынужденное, не через силу. Я усиливаю поцелуй, вкладывая в него всё: страх, надежду, злость на себя, желание доказать, что я ещё жива. Пусть он отодвинет свою осторожность куда подальше. Пусть эта искра внутри меня не погаснет.

В этот момент моё решение кажется самым правильным за последние месяцы.

Его руки сжимаются вокруг меня — крепко, как цепь. Сурово. Надёжно той искажённой надёжностью, за которую хочется держаться, даже если она поранит. Я прижимаюсь к нему всем телом — каждой клеткой, каждой гранью, которая устала кричать о помощи.

Наш поцелуй переходит из нежного в страстный. Граница стирается, и я уже не знаю, где заканчивается он и начинаюсь я.

В его случае — желание помочь. В моём — жажда спастись.

Я впираюсь пальцами в ткань его поло. Грубо кусаю его губу — не больно, а требовательно. Я хочу больше, чем просто ощущать. Я хочу чувствовать себя живой до самых костей.

Дэймон внезапно разрывает поцелуй.

И меня захлёстывает разочарование.

Его светло-зелёные глаза теперь отражают тёмную сторону. Он просто смотрит на меня, будто решает, дать мне то, что я прошу, или спасти меня от самой себя.

Я готова броситься к его губам снова, но он меня опережает.

Проводит губами по моей щеке. По щеке — медленно, вдоль линии, где пульс бьётся так отчаянно, что это, наверное, слышно даже ему.

Здесь и сейчас Дэймон залечивает там, где час назад целовал и калечил мою кожу Генри. Одно прикосновение перечёркивает другое. Та же самая кожа — но разные намерения.

Дай мне почувствовать себя не сломленной.

Он наклоняется. Прикусывает мочку уха, почти невесомо. А его ладонь ложится мне на затылок — и сжимает копну волос.

Не больно. Не наказание. Не клетка.

Стук в дверь. Разум срабатывает за доли секунды. Я не успеваю полностью прийти в себя, как слышу голос Хлои:

— Риана, я могу войти?

От замешательства резко отстраняюсь от Дэймона, врезаясь в стул за спиной. Почти падаю, но он успевает схватить меня за талию и прижать к себе обратно. Я впечатываюсь в его крепкую грудь — и моё дыхание сбивается.

— Нет! — отвечаю Хлое громче, чем планирую.

— У тебя всё хорошо? — продолжает она из-за двери.

— Да! Я скоро выйду!

Шаги удаляются, и тишину разрывает смех Дэймона, вызывая во мне внутренний взрыв негодования.

— Конспиратор из тебя так себе, — он дёргается от смеха.

Я резко выворачиваюсь в его руках — он, не мешкая, отпускает меня.

— Тебе пора. — Безапелляционная решимость отражается в каждом моём слове.

— Уверена? — иронизирует он, и кривая улыбка расплывается на его лице.

— Выйди. Отсюда. — Повторяю настойчивее.

— Ты попросила поцеловать, а теперь это твоя благодарность?

Дэймон пробуждает во мне что-то непонятное, не давая контролировать ни эмоции, ни голос, ни свои действия.

Я подталкиваю гостя к двери.

Он продолжает смеяться — это ещё больше накаляет меня.

Что со мной происходит?! У меня крыша съехала окончательно!

Когда дверь захлопывается за ним, я остаюсь одна. Облокачиваюсь спиной на неё и медленно сползаю на пол. Сердце бьётся — готовое пробить рёбра.

Мои руки невольно тянутся к местам, где Дэймон целовал и касался меня. Это было настоящим. По-другому. Иначе.

Я не знала, что кожа может гореть от прикосновения — в приятном ощущении, которого уже нет. Я просто сижу и чувствую, как кровь пульсирует в кончиках пальцев. Как каждый нерв натянут до звона. Я трогаю свои губы — а они будто стали тоньше. Чувствительнее. Они будто ждут его возвращения.

Версия теперешней Рианы Олсон — это осторожность и контроль. Но с Дэймоном произошло короткое замыкание. Вспышка — и предохранители вылетели.

Случайность? Безумие? Что-то большее? Понятия не имею. Но я не помню, когда в последний раз чувствовала себя настолько живой.

Я выхожу и сразу замечаю Хлою в конце коридора. Как только наши взгляды встречаются, она отталкивается от стены и направляется ко мне.

— Идём? — спрашиваю спокойно, игнорируя то, как я несколько минут назад спасалась от собственных эмоций.

— Что он у тебя делал? — подозревает неладное с хитрой улыбкой. — Ты из-за него меня выгнала, я так понимаю? — шепчет, чуть прищурившись.

— Зашёл поблагодарить за песню, — отвечаю отстранённо, но внутри сердце до сих пор совершает кульбиты.

— Он вышел с таким лицом, будто куш словил. — Её глаза округляются. — Просто так выразить благодарность зашёл?

Я вздыхаю, чуть качаю головой, показывая, что у нас разные представления по этому поводу.

— У каждого свои тараканы в башке. Идём. — Слегка толкаю её плечом и делаю шаг вперёд.

— А ты что такая взвинченная? — слышу в её голосе лёгкую насмешку.

— Янг, ты можешь просто помолчать?! — взрываюсь, не выдерживая, и ухожу вперёд.

Хлоя замолкает, но каждый раз, когда я оборачиваюсь к ней, она смотрит на меня с иронией.

Мы выходим в зал — там всё по-прежнему. Гости ещё веселятся: танцуют, пьют, болтают. А Сэм сидит с Дэймоном за их столиком, пересчитывая деньги.

Конечно, где же ему ещё быть. Та же картина, что и вчера. Но сегодня Дэймон вызывает у меня иные чувства. Хочется ускользнуть поскорее отсюда.

После того, что я «учудила», планирую пройти мимо, но босс настойчиво зовёт меня и Хлою.

— Ну что же, Олсон. Благодарю заказчика, который оплатил мне моральный ущерб за твои выходки. — Он с усмешкой пододвигает ко мне конверт, полный денег. — Держи.

— Зачем столько? Какой заказчик? — серьезно спрашиваю, стараясь игнорировать присутствие того, из-за кого мои губы до сих пор саднит.

— Знакомьтесь, девочки. Мой лучший друг и заказчик сегодняшнего вечера Дэймон. — Посылает воздушный поцелуй своему другу. — У него сегодня день рождения. Двадцать семь лет парню, а он уже такими деньгами разбрасывается. Не умеет экономить.

Вот это поворот.

— Риана, я очень доволен. Всем. Поэтому считаю, что гонорар заведению нужно повысить. — На губах игривая улыбка, а в глазах чётко считывается напористый подтекст.

Непроизвольно дергаюсь всем телом в сторону Дэймона. Но меня останавливает Хлоя, схватив за локоть.

— Спасибо вам огромное! С днем рождения! Мы старались! — она искренне улыбается, а затем хватает два конверта. Засовывает мне один в сумку и торопливо тянет к выходу.

Двери бара закрываются за нами, и вечерний воздух обдает лицо холодом. Хлоя шагает вперед, демонстративно топая каблуками по асфальту.

— Ты с ума сошла? Он отвалил такие деньги! Я теперь могу уволиться. А ты, как всегда, начинаешь показывать характер, Ри. — Она верещит и размахивает руками перед моим лицом.

— Я тогда тоже больше здесь не появлюсь. — Твёрдо ставлю её перед фактом.

— Скоро у нас начнётся новая жизнь. — Хлоя обнимает меня.

Ещё несколько месяцев — и я покину этот город. У меня будет полный контроль над своей жизнью и над собой.

Мы вызываем такси и разъезжаемся по домам. Всю дорогу я молча смотрю в окно.

Машина останавливается у подъездной дорожки.

— До завтра, Хлоя.

Я намереваюсь выйти, но она придерживает меня за руку.

— Ри, я не знаю почему, но Дэймон вызывает у меня доверие.

— Он, как и многие лжецы, — просто красивая картинка. — Резко отвечаю, не сдерживая тон.

— Не ставь крест на всех, но будь осторожна. Тебе нужно жить, а не существовать. — Она отпускает мою руку и, подмигнув, подытоживает: — Но чтобы ты ни решила, я тебя поддержу.

Молча обнимаю её на прощание и покидаю такси. Машу, улыбаясь, всё ещё наблюдающей за мной в заднее окно Янг. Как только машина скрывается за поворотом, моя улыбка исчезает. Поворачиваюсь к дому и перестаю чувствовать что-либо. Единственная мысль в моей голове сейчас: пусть хотя бы сегодня вселенная меня услышит — и Линча не будет дома.

Я хочу просто попасть в свою комнату, не столкнувшись с ним даже взглядом.

Захожу в квартиру, и в груди вспыхивает неожиданное облегчение — его нет. Быстро запираю дверь комнаты на замок. Раздеваюсь на автопилоте и направляюсь к бассейну. Вода встречает меня тёплым объятием — приятное ощущение окутывает всё тело, унося с собой напряжение. Но вдруг, как удар молнии, в памяти всплывают прикосновения Дэймона — горячие и уверенные. Они ощущаются до сих пор, отдаваясь вибрацией внутри, эхом разбегаясь по организму.

Я закрываю глаза и впервые думаю о мужчине.

Вот оно — ощущение, которое можно чувствовать иначе.

А что, если... к тебе прикоснётся тот, кого любишь? Что произойдёт тогда? Какие чувства взорвутся внутри? И как справляться с этим потоком эмоций?

Но я уверена: мне не суждено это узнать. Чтобы ни говорила Хлоя, как бы ни пыталась растопить лёд внутри меня — это невозможно. Я не отрицаю своего любопытства и интереса к Дэймону. Но что касается доверия и чувств — всё тленно. Зачем позволять себе чувствовать то, что потом окажется фальшью?

Сжимаю мамин медальон в кулаке.

Мои родители любили друг друга. Они не говорили об этом, но в каждом жесте, в каждом слове, в каждом поступке между ними было то хрупкое, что я не могу позволить себе. Не могу дать себе шанс поверить, что может быть так же, как у них.

Я пережила слишком многое, чтобы довериться даже самой судьбе и плыть по течению.

Но то, что я ощутила от прикосновений Дэймона, не может просто так рассеяться в памяти.

Глава 4

Дэймон Прайс

Прошлое не отпускает не потому, что мы слабы, а потому что в нём остались те, кого мы не готовы потерять даже в воспоминаниях.

— Счастье не в деньгах, говорили они. — Сэм усмехается, перебирая банковские купюры с ловкостью фокусника. — Глупости из уст тех, у кого их нет.

Я наблюдаю за ним, и в который раз ловлю себя на мысли: время словно застыло над ним. Из года в год Смит не меняется от слова «совсем». Та же самоуверенная улыбка, та же расслабленная поза, тот же блеск в глазах, который появляется только при виде наличных.

— Деньги продолжают тебя портить, — замечаю я беззлобно.

— И что? — Он пожимает плечами, не отрываясь от купюр. — Зато я не особо парюсь по жизни.

Он замолкает, бросает взгляд в сторону входа, и его лицо меняется — становится озабоченным.

— Только моя нервная система страдает из-за этой певички, — вздыхает он театрально. — Всю кровь выпила. Меня спасёт только медитация.

Он усаживается на стуле, складывая пальцы в насмешливом жесте джняна-мудры, и я не сдерживаю короткого смеха.

— Ты серьёзно?

— К счастью или к сожалению, — он возвращается к своему любимому занятию — пересчитывает следующую пачку, — её любят в моём баре все посетители.

Он поднимает на меня взгляд, и в нём мелькает что-то напоминающее уважение. Или, по крайней мере, признание выгоды.

— Когда она поёт, бар забит людьми, готовыми оставить здесь все свои сбережения. Либо приходят посмотреть на молодую девчонку, либо действительно нравится то, что она там пилит.

— Кто она? — спрашиваю я.

Сэм издаёт протяжный звук, полный скепсиса:

— У-у, та, у которой большие проблемы с головой. По ней психушка плачет, брат.

— Ты будешь всех девушек отправлять в психушку, которые тебе слово поперёк скажут?

— Так она не только говорит поперёк, но и делает. — Он откладывает деньги и подаётся вперёд. — Короче, дело так. Слышал о Генри Линче? Продюсер наш местный. Он взял её под опеку после смерти родителей. Что случилось — я не в курсе. Но после совершеннолетия он продолжает опекать и раскручивать её.

Я молча слушаю, впитывая каждое слово.

— Риана скоро заканчивает учёбу. У девчонки сразу будет карьера, как только получит диплом. А ты думаешь, простой особе, не имеющей за спиной такой опоры, я позволил бы мне так перечить?

Я отвожу взгляд к сцене. Там пусто, но в моей голове всё ещё звучит её голос — тот самый, который привлёк моё внимание.

— Ясно, — бросаю я коротко.

— Приглянулась что ли? — Сэм наклоняется вперёд, щурится, будто пытается прочесть мои мысли.

— Красиво поёт.

— Она пиранья. — В его голосе звучит предостережение. — Живого места не оставит. Не говори потом, что я не предупреждал.

— Я ничего не планирую. — Моя рука на столе непроизвольно сжимается в кулак. — Ты меня знаешь.

— Ах да, — тянет он, и его голос становится мягче, — ты всё о том случае. Но раз на раз не приходится, Дэймон.

Он протягивает руку и кладёт мне на плечо.

— Не дай ей запудрить тебе мозги. Она сбросит твои настройки по умолчанию.

Я молчу.

Потому что в глубине души я жажду именно этого. Стереть свои настройки. Начать жизнь с чистого листа. Сбросить все программы.

Но разум не переставая шепчет: риск падения в бездну, из которой я чудом смог выбраться, недопустим.

Я смотрю на пустую сцену и чувствую, как внутри меня что-то щёлкает. Что-то необратимое.

Буквально через полчаса я отправляюсь в сторону дома.

Сегодня я дал себе время. Редкая роскошь, которую я позволяю себе, может, раз в месяц. С утра был в офисе, провёл ежедневное совещание — сухие цифры, бесконечные отчёты, лица людей, которых я видел сотни раз, — и на этом моё рабочее время закончено.

По пути домой решаю заехать к отцу за документами. Я сворачиваю на подъездную дорожку к его вилле в Бруклине.

Тому самому месту.

Здесь прошло моё детство. Каждый камень, каждое дерево, каждый поворот лестницы хранят в себе эхо шагов, которые я пытался забыть. Теперь я здесь редкий гость. Можно было бы сослаться на усталость или нехватку времени, но правда в том, что меня сюда не тянет. Наверное, я просто избегаю этого места. Прихожу только ради отца или по рабочим вопросам — и каждый раз чувствую, как внутри поднимается вязкое сопротивление, которое приходится подавлять.

Я паркуюсь, выхожу из машины и поднимаюсь к двери.

Звоню в дверь.

Пальцы сами находят кнопку, хотя я мог бы просто зайти. Но это ритуал, напоминающий мне: я пришёл, но не считаю этот дом своим. А я здесь гость.

Внутри отзывается знакомое чувство. Вязкое сопротивление поднимается из груди и оседает где-то в горле, комом, который невозможно сглотнуть. Этот дом — как окно в прошлое, в которое не хочется возвращаться.

Но здесь мой отец.

И это единственная причина, по которой я всё ещё переступаю этот порог.

Я мог бы развернуться. Уйти. И никогда больше не возвращаться. Но я здесь, потому что Ксавьер Прайс — моя семья. Как бы ни было тяжело это признавать, как бы ни давили эти стены, он — единственное, что у меня осталось.

Дверь открывается.

Передо мной стоит Мэт. Он работает у отца сколько я себя помню. Отвечает за охрану, за порядок, за дом — в целом за всё, что требует мужской руки и верного глаза. Мэт посвятил всю жизнь нашей семье. Он мне как второй отец.

Как всегда, он встречает меня приветливой улыбкой. В ней — тепло, которое не купишь за деньги.

Я протягиваю ему руку — он пожимает в ответ.

— Здравствуй, Мэт. — Я улыбаюсь, пряча за этой улыбкой наплыв воспоминаний, которые накрывают меня. — Как ты?

— Здравствуй. — Его голос звучит ровно, с той спокойной уверенностью, которая появляется только у людей, знающих своё место в мире. — Всё спокойно. Мы уже думали, ты нас не наведишь сегодня.

Я переступаю порог. Привычным движением окидываю взглядом холл, гостиную, лестницу. Будто ищу изменения. Но их нет. Этот дом застыл во времени, как музей моей собственной жизни.

— С днём рождения, Дэймон. — Мэт достаёт из кармана коробочку и вручает мне.

Я беру её, чувствуя вес бархата на ладони. Открываю.

Внутри — новые золотые запонки. Тёплый блеск металла отражает свет люстры.

Почему-то именно сейчас я вспоминаю девушку из бара, той кому пригодились мои старые. Сейчас я держу новые — как знак, что начинается что-то другое. И что сегодняшняя поломка — не случайность.

Но вмиг эта мысль кажется мне абсурдной, и я гоню её прочь. Слишком много мистики для человека, который привык опираться на факты.

— Давно ты мне их не дарил, — говорю я, закрывая коробочку. — Спасибо, Мэт. Ты всегда знаешь, когда мне нужно их обновить.

— Сколько тебя помню, ты всегда их терял или ломал. — Он усмехается, и в этой усмешке — столько лет, проведённых рядом. — Проходи. Господин Ксавьер в гостинной. Если что-то нужно — зовите. Я пока пойду проконтролирую уборку кухни.

На последнем слове он разворачивается и уходит по своим рабочим делам, оставляя меня одного в холле.

Я прохожу в гостиную.

Отец сидит в кресле у камина. Языки пламени танцуют свою бесконечную песню, отбрасывая золотистый свет на его лицо. Он смотрит на огонь умиротворённо, держа в руке бокал с виски.

Мой отец. Ксавьер Прайс.

Мужчина в расцвете сил. Его холодная уверенность видна невооружённым глазом, читается в каждом движении, в каждом взгляде. Прямая, гордая осанка — даже когда он сидит, даже когда расслаблен, даже когда никто не смотрит. Внешне мы с ним очень похожи. Те же черты лица, тот же разворот плеч, та же манера держать бокал.

Кроме глаз.

Мои — в маму. Этот оттенок серо-зеленого, я унаследовал от неё. И каждый раз, глядя в зеркало, я вижу напоминание.

На отце строгий костюм — даже сейчас, вечером, в домашней обстановке. Уже привычка, вьевавшаяся в кожу за десятилетия. Возраст выдают лишь лёгкие морщинки на лбу — свидетельство опыта и мудрости, которые не купить и не стереть.

Я останавливаюсь, глядя на него.

— Здравствуй, отец. — Приветствую его, продолжая стоять за его спиной.

Услышав меня, он резко оборачивается и встаёт.

— Дэймон! Ещё раз с днём рождения, сын! — Отец обнимает меня со всей родительской любовью. — Просто заглянул проведать старика или по делу? — Он жмёт мне руку и делает глоток янтарной жидкости.

— Спасибо. Я за отчётами. — Киваю в сторону второго этажа, где его кабинет.

— Всё на моём столе. Но сначала расскажи, как прошёл день?

— Праздновал в баре у Смита.

— Снова этот алкоголик. — Брови отца почти соединяются на переносице.

— У нас есть точки соприкосновения, отец. У каждого должен быть второй шанс, и ты это прекрасно знаешь.

— Ты слишком опекаешь его. Даже с баром ему помог. — Махнув рукой, он возвращается в кресло.

— У тебя ведь тоже есть ректор Эндрюс, которого ты опекаешь. — Я по-доброму усмехаюсь. — Сколько ты перевёл на прошлой неделе благотворительности Джульярдской школе?

— Это вклад в образование. — Он улыбается, прекрасно понимая, что не все средства будут освоены образовательным учреждением.

— И вклад в его карман.

— Давай остановимся. Чем ещё занимался? — уточняет он, не без подвоха.

Медленным шагом подхожу и останавливаюсь перед ним, закрывая обзор на пламя камина.

— Тебя интересует, не нашёл ли я зацепки?

— Ты и не найдёшь. — Отец не поднимает взгляд, гипнотизируя жидкость в стакане. Его настроение меняется за секунду.

— Я пошёл в тебя своей настойчивостью и найду своего брата. Так, может, не будем затрагивать эту тему?

— Он тебе не брат, а нагулянный гадёныш! О нём ты не должен был даже знать! — ударяет кулаком по подлокотнику кресла.

— В память о матери я найду его. — Остаюсь непоколебим, не выдавая эмоций, которые уже начинают приливать к моему терпению. — Если я не узнаю, что с ним всё в порядке, не успокоюсь.

— А я принципиально не успокоюсь, пока ты не оставишь это дело в покое! — цедит он сквозь сжатые зубы.

Отец редко выходит из себя. Он очень сдержанный, рассудительный и понимающий человек. Но тема поисков моего брата выводит его молниеносно. Мы снова впадаем в нашу излюбленную тему для скандала, и я решаю избежать конфликта. Хотя бы сегодня.

Резко разворачиваюсь и направляюсь к лестнице на второй этаж, игнорируя выпад отца. За спиной раздаётся грохот разбитого стекла.

Захожу в кабинет, беру папку и обращаю внимание на единственную фотографию на столе. Я и отец на фоне первого самолёта нашей теперь общей компании.

Только я и он. Больше никого. Как и было всегда.

Моя мать ушла от него — точнее будет сказать, сбежала — оставив меня, когда мне было пять лет. Через два года вернулась уже с месячным ребёнком на руках. Отец забрал его и приказал своим людям определить мальчика в другую семью. Причём так, чтобы он сам не знал, в какую именно. Отец предусмотрел вариант, если мне взбредёт в голову искать младшего брата. Так он и не будет мне врать, не зная всей информации.

Маму отец изолировал в гостевой комнате на первом этаже. Я прибежал и просил выпустить её, но он был непоколебим. Мне кажется, я до сих пор слышу её крик, находясь в этом доме. Моя мать, Сара Прайс, умерла в доме, который стал для неё тюрьмой. Из-за сильного стресса на фоне тревожности у неё случился инфаркт. Её не успели спасти.

У них с отцом были сложные отношения. И у него была весомая причина запереть маму в комнате. Но не было права доводить до такой крайности.

Мама не любила моего отца. Я — просто итог их вынужденной связи. Она изначально была подослана к нему, чтобы выкрасть чертежи разработок модернизированного самолёта.

Наша компания не только занимается созданием новых пассажирских судов. Мой отец — великий ум, которого государство хотело эксплуатировать в своих целях. Но он отказался. Поэтому был найден другой метод — подослать к нему маму, обманув его бдительность.

Я любил её всегда. Несмотря на то, что она бросила меня и играла в семью. И мне не нужно искать ей оправдания, чтобы помочь её ребёнку — моему брату.

Двадцать лет назад.

Мы сидим с отцом на полу в моей комнате. Между нами — конструктор самолёта. Детали разложены аккуратными кучками, пахнет пластиком и чуть-чуть — его одеколоном.

Я люблю этот запах. Он пахнет защитой.

Всё свободное время отец проводит со мной. Днём мы выезжаем за город, а вечерами — вот так, за хобби. Параллельно он рассказывает о своих разработках, и его глаза загораются. Я слушаю, раскрыв рот, впитывая каждое слово, и в груди разрастается что-то тёплое и огромное — гордость.

Он мой герой. Он строит самолёты. Он меняет мир.

В дверь тихо стучат. К нам проходит Мэт. У него напряжённое лицо — я замечаю это сразу, даже в свои годы учусь читать людей.

— Господин Ксавьер, на пороге гость.

Папа поднимается, подходит к Мэту и слушает его шёпот. Я вижу, как меняется его лицо. Сначала — удивление. Потом — что-то тёмное, от чего у меня холодеет внутри.

— Дэймон, подожди меня здесь.

Он уходит, не обернувшись.

Но я — тот ребёнок, которому нужно знать всё. Любой ценой. Я замираю на несколько секунд, прислушиваясь к удаляющимся шагам, а потом бесшумно выскальзываю в коридор.

Я добираюсь до парадной лестницы и прячусь за большим цветочным горшком. Сквозь резные листья я вижу, что происходит внизу, оставаясь невидимым.

Отец стоит спиной ко мне. Он загоразливает гостя, но я всё равно узнаю по голосу. Мама.

— Ты серьёзно?! После всего просто берёшь и возвращаешься сюда?! — Его голос гремит так, что стены вибрируют.

— Ты не оставил мне выбора!

Голос мамы. Родной. Такой знакомый — и одновременно чужой. Я замираю. В груди что-то обрывается.

Детский плач разрезает воздух. Тонкий, надрывный.

— Ещё и притащила своего нагулянного ребёнка! — рычит отец.

— Я соблюдаю твои условия. Можешь не беспокоиться: я изъела всё, что украла у тебя. Никакая информация не упущена. И теперь меня ищут власти! По твоей вине! — Её голос срывается. — Я потеряла всё из-за тебя! Авторитет, свободу, любимого человека! Так прими моё единственное условие. Моего сына.

Я никогда не слышала маму такой. Она всегда сдержанная. Строгая. Не показывающая эмоций. А сейчас — даже отсюда, сквозь листья, я вижу, как ей больно. Как её трясёт. Как она прижимает к себе плачущего ребёнка, будто он — последнее, что у неё осталось.

Но отца это не трогает.

— Сара, верни флешку.

Он протягивает раскрытую ладонь. Жест, который не терпит возражений.

— У меня её нет. Она у человека, который в случае чего передаст материалы куда надо. Это залог моей безопасности.

— Ты хочешь сказать, что мои многолетние разработки, из-за которых у меня настоящая война с государством, неизвестно у кого?!

Отец хватается за голову. Я вижу, как его пальцы сжимают виски — будто он пытается удержать череп от того, чтобы не раскололся.

— Ты окончательно спятила!

— А что мне нужно было делать?!

Мама прижимает ребёнка к груди ещё сильнее. Я хочу спуститься вниз. Хочу подбежать к ней. Обнять. Сказать, что всё будет хорошо. Но разъярённый голос отца прибавляет меня к месту, будто гвоздями.

— Мэт! Забери у неё это недоразумение с рук! А бывшую госпожу Прайс проводи в комнату для гостей.

Он разворачивается и идёт к лестнице.

— Нет! Ксавьер, ты обещал! — Мама бросается за ним, и отец оборачивается.

Взгляд останавливает её быстрее, чем любая стена.

Его рука взлетает. Замахивается. Застывает в сантиметре от её лица. Я вижу, как дрожат пальцы — он хочет ударить её. Хочет — но сдерживается. Из последних сил, через стиснутые зубы, через побелевшие костяшки.

Мама сжимается. Закрывает глаза. Ждёт удара.

— Я не обещал тебе ничего, Сара. — Его голос — шёпот, который страшнее любого крика. — Я любил тебя. Но как только твоя миссия раскрылась, всё перечеркнулось. И я не приму ребёнка от другого мужчины в этом доме. Только Дэймон.

Он кивает Мэту.

Мэт шагает вперёд. Вырывает плачущего ребёнка из маминых рук. Мальши орёт, разрывая тишину дома.

Мама падает отцу в ноги. Падает — буквально, всем телом. Обхватывает его ботинки и рыдает. Так, как я никогда не слышал. В голос. Дико.

Мэт с ребёнком на руках подходит к лестнице. Я срываюсь с места — бегу обратно, в свою комнату.

Выхожу из кабинета и возвращаюсь к отцу.

Он не отрывается от камина. Перед ним на полу валяются осколки бокала, а на ковре — свежее пятно от виски.

— Что с мероприятием? — опускаю наши разногласия, возникшие несколько минут назад.

Отец поступает мудро, как и всегда — принимает моё немое предложение закрыть тему. Хоть и ненадолго.

— Всё организовано. — Сухо отвечает он.

— Спасибо.

Собираюсь уходить, но слышу, как отец громко вздыхает. Оборачиваюсь и наблюдаю, как он зажимает переносицу пальцами. Внутри просыпается чувство моей несправедливости по отношению к нему.

Я присаживаюсь на соседнее кресло, но он не поворачивается ко мне.

— Почему ты до сих пор не можешь принять мой выбор? — вопрос вырывается на автомате.

Он молчит.

— Мы должны это сделать ради неё. Ведь того, что с ней произошло, можно было избежать. — Стараюсь достучаться, но всё тщетно. Его лицо становится ещё более недовольным от моих слов, а кулаки сжимаются до побелевших костяшек.

— Дэймон, для начала ответь ты мне. — Он поворачивается в мою сторону, и его глаза полны боли. Боли за своего ребёнка. — Что сделала твоя мать для нас? В первую очередь для тебя, её первенца? — Его голос срывается на деспотичный тон при каждом упоминании о Саре Прайс.

Теперь я переключаюсь на пламя камина и думаю над его словами. Мне нечего сказать. Действительно нечем оправдать её в его глазах. Как бы мне этого ни хотелось.

— У меня принципиальная позиция. Сара при жизни очень постаралась, чтобы я её возненавидел.

Нельзя отрицать: он до сих пор любит её. Но этому чувству он твёрдо определил место в душе — то, до которого невозможно добраться.

— Мама достаточно страдала за содеянное. По твоей же прихоти — запереть её в этом доме. — Мой голос звучит безучастно.

— Это уже наши с ней личные разборки. Если бы она была жива, как ты думаешь, у вас сложились бы отношения между сыном и матерью? — Глаза сужены, взгляд пронизывает насквозь. Вскрывает чувства маленького ребёнка внутри, которого родная мать выставила вон из материнского сердца.

Даже если поддамся на провокацию отца — это ничего не изменит. Ни моего отношения к ней, ни моего желания выполнить её просьбу из нашего с ней последнего разговора.

— К чему этот вопрос, отец? Она моя мать — и это неизменно. Я люблю её, несмотря ни на что. Но я не хотел бы ей такой судьбы. — Нарочно перехожу границу, к которой у меня нет права даже прикоснуться.

Отец впирается пальцами в подлокотники кресла. Грудь вздымается от тяжёлого дыхания. Но он сдерживается и отворачивается, пытаясь прийти в себя.

Подхожу к нему и присаживаюсь перед ним, кладу руку на его напряжённое предплечье.

— Я знаю: если бы ты знал, ты бы не допустил, чтобы с мамой случилось подобное. И несмотря на всё это, ты не должен забывать, кто ты для меня. Ты тот человек, который может гордо назвать себя отцом. — Его рука под моей расслабляется. — Ты был всегда со мной. Не отворачивался ни при каких обстоятельствах. Тем, кем я сейчас стал, — это твоя заслуга. Если бы не ты, я сгнил бы где-нибудь в подворотне. И это всего лишь крупица того, сколько ты для меня сделал. Я по гроб жизни обязан тебе. Если потребуется, я отдам свою жизнь за тебя, не колеблясь.

Глаза отца блестят под пеленой слёз. Он кладёт вторую руку поверх моей и крепко сжимает.

— Спасибо, Дэймон. Но родители не должны хоронить своих детей.

Мы с отцом — тот несокрушимый союз, которому можно только позавидовать. Как семья мы друг за друга — так же и в бизнесе. Только он уже не принимает активного участия в работе. Единственное, чем он занимается, — грубо говоря, рекламой как первый представитель. Он является лицом компании, как основатель. Я же занимаюсь всей производственной деятельностью.

Успокоив отца, покидаю его дом. Еду к себе на виллу неподалёку.

Последние часы перед сном провожу за рабочим столом в кабинете. Изучив отчёты, отписываюсь сотрудникам по неотложным задачам на завтра.

Разговор с отцом заставляет вспомнить прошлое. Достая альбом и листаю страницы, мельком всматриваясь в снимки. Почти на всех я с ним. Рыбалка, аттракционы в парке, дома, даже в офисе — везде отец со счастливой улыбкой, как и я.

Задумываюсь: а нужна ли была мать рядом? Действительно, как бы всё сложилось, если бы она была с нами?

На одном из листов — вырезка из газеты, единственный снимок с мамой. На нём отец обнимает её во время бизнес-встречи. Оба не в курсе, что их фотографируют. Здесь она беременна мной. Благополучная жизнь, лёгкая беременность, заботливый любящий муж — но на её лице натянутая улыбка. В немом взгляде со снимка она отвечает на мои вопросы: лучше бы вас не было.

Перелистываю дальше и натываюсь на снимок, где я обнимаю девушку, которая не особо горит счастьем и радостью.

Оливия. Моя первая любовь.

Та, с кем я поступил отнюдь не лучше, чем отец с матерью. Даже хуже.

Оливия... Интересно, как сложилась твоя жизнь после случившегося?

Закрываю альбом и убираю на верхнюю полку шкафа.

Принимаю душ и в мыслях снова всплывает облик девушки. Вода стекает по лицу, но не смывает образа, который засел под веками. Светловолосая бунтарка. Самый запоминающийся момент за весь день — и я не про голос, не про песню. Я про ту секунду, когда она попросила меня её поцеловать.

Без кокетства. Без игры. С открытыми глазами и таким отчаянием, что у меня внутри что-то перевернулось.

Своей просьбой эта сирена заставляет думать о ней больше, чем я могу себе позволить. Я стою под горячей водой, закрываю глаза — и вижу её. Не контур, не размытый силуэт, а каждую чёрточку.

Либо знак свыше, либо судьба, либо просто стечение обстоятельств. Вселенная любит подбрасывать мне зеркала, в которые я боюсь смотреть.

Риана слишком похожа на Оливию. Вот она, правда, которую я пытался завернуть в удобные формулировки. Моё внимание привлёк не только голос, проникающий под кожу, но и внешность — те же черты, тот же светлый ореол, та же хрупкая линия плеч. Совпадение, которое кольнуло острее, чем хотелось бы признать.

Но только я успеваю провести параллель, как характер Рианы перечёркивает любое сходство жирной линией. Оливия была мягкой. Тихой. Она уходила от конфликтов, пряталась в тень, когда становилось жарко. Риана — другая. Она сама — огонь. Она не просит разрешения — она берёт. Она не отводит взгляд — она впирается им в тебя, проверяя на прочность.

Они похожи, как две разные ноты — одна затихает, не успев прозвучать, вторая бьёт по струнам так, что звон стоит в ушах до сих пор.

Я точно знаю: если Риана появится передо мной ещё раз, я не смогу устоять. Не потому, что она напоминает мне о прошлом. А потому, что она — единственное, что заставило это прошлое замолчать хотя бы на минуту.

В прошлом есть период, когда я превратился в чудовище. Но я смог сбежать от этого «я». Я не хочу повторять свою ошибку.

Я открываю глаза. Пар застилает плитку, и на миг мне кажется, что я всё ещё вижу её силуэт по ту сторону стекла.

Водитель останавливается у парадного входа в компанию. «SkyWingsCompany» — место, которое напитывает меня энергией и силой. И сегодня здесь собираются умы инженерии. Я как рыба в воде среди таких представителей. Помешан на своих разработках и готов хоть каждый день общаться с подобными людьми, обмениваясь опытом.

Сегодня я немного опаздываю — пришлось срочно решать рабочие вопросы по поставкам. Как раз гости успеют разгуляться перед презентацией. Поднимаюсь ко входу, и меня встречает рыжеволосая бестия в ярко-красном платье в пол. Грейс Бейкер — моя подруга детства. Дочь друга отца ещё с университета. Наши семьи дружат уже много лет, и это не может не влиять на наши отношения. Я люблю её как сестру-погодку. Она та, кто бок о бок со мной на каждой бизнес-встрече. О нас с ней пишут папарацци, но кроме «они появились на людях и пошлись за ручку» у них ничего нет. Да и в жизни мы соблюдаем границы. Грейс — пиарщик и топ-менеджер в нашей компании.

— Дэймон, дорогой мой. — Сдержанно и с улыбкой Грейс делает шаг в мою сторону. Целует в щёку, обнимая. — Вчера смог спрятаться от меня на весь день. С прошедшим днём рождения. Очередной галстук в подарок — у тебя на столе в офисе.

— Здравствуй, Грейс. Спасибо, думаю, не стоило тратиться. — Галантно подаю ей руку.

— Это потому, что у тебя есть всё, что пожелаешь? — Она берёт меня за руку и прижимается всем телом.

Опускаю эту тему.

— Ты, как всегда, обворожительно выглядишь. — Отмечаю её безупречный, с иголки образ.

— Проверим, сколько мужчин падут к моим ногам сегодня. — Лукаво смеётся она.

— Уверен, что все.

— Все, кроме тебя. — Бейкер, в своей манере, подмигивает, и мы проходим в огромный зал.

Не дойдя до центра, я уже присоединяюсь к разговору об инновациях в нынешнем году. Грейс внимательно слушает, не отпуская мою руку, и потягивает шампанское. Настоящая акула бизнеса. За образом той, кому всё равно на это сборище, скрывается та, кто впитывает информацию как губка. Уверен, завтра в офисе Бейкер будет высказываться по каждому пункту разговора. Она выбирает позицию: «Кто владеет информацией — тот владеет миром». Женщин в нашем деле не признают, но она валит мужчин исподтишка. Когда от неё не ожидают ничего, она выдает то, что разит наповал.

Мы оба вовлечены в разговор, пока не звучит голос той, кто весь вчерашний вечер не выходила из моей головы. Той, чьи губы помнят мои.

Мой взгляд прикован к девушке на сцене. Её взгляд остро скользит по толпе.

Откуда она здесь? Отец отвечал за эту часть встречи — где он её нашёл?

Заканчиваю разговор с главным инженером из-за границы, параллельно через его плечо слежу за ней. Как только он уходит, перехожу к следующему этапу: жду окончания песни, не подключаясь к следующему диалогу.

— Дэймон, ты её знаешь? — из раздумий меня выводит Грейс. В этот момент Риана покидает сцену. — Гипнотизируешь её, как сталкер. — Смеётся над своей шуткой, но в следующую секунду улыбка исчезает с её лица.

— Грейс, извини, мне нужно отлучиться. — Аккуратно высвобождаю свою руку. Впервые за столько лет оставляю её одну на публике.

Интерес — это единственное, что сильнее разума. И сейчас я даже не знаю, зачем иду к ней.

Уверен: наша встреча сегодня — не прихоть случая. Кто я такой, чтобы не шагнуть к тебе ближе, Риана Олсон?

Глава 5

Риана Олсон

Доверие — это всегда аванс. Ты платишь его, не зная, вернут ли тебе. Но без аванса не начинается ни одно большое дело. И ни одна большая любовь.

Сегодня я выступаю в компании Ксавьера Прайса. По плану я здесь до вечера.

Генри отправляет меня на мероприятия подобного масштаба, как девочку на заказ. Причина лежит на поверхности: если я попаду на что-то масштабное, я смогу от него избавиться вмиг.

Не взирая на обстоятельства моего нахождения здесь, пою, как всегда, с душой и отключаюсь от всего мира. В отличие от вчерашнего образа в баре, сегодня я выгляжу как клубный шар. Линч не дал мне права выбора с утра, оставив готовый брючный костюм с блестящими пайетками для выступления.

Сияй, моя девочка, сияй. Скоро освещение поменяется — и ты перестанешь заниматься подобным.

Я заканчиваю песню. Последняя нота повисает в воздухе, и раздаются аплодисменты. Вежливые, ровные — настолько, чтобы не нарушить деловой этикет. Я кланяюсь, улыбаюсь и ухожу со сцены. У меня есть несколько минут на перерыв через каждые три песни, чтобы гости балансировали между деловыми разговорами и отдыхом. Иду в отведённый мне кабинет.

Генри мне наглядно показал, что нельзя облажаться на этом вечере. Внутри меня разразилась гроза после вчерашнего случая, но она, на удивление, стихла. Во-первых, я постоянно напоминаю себе, что скоро стану свободной. Во-вторых, Дэймон помог мне переключиться на другую, волнующую меня составляющую последних суток.

Он мне даже снился сегодня.

Сон был спокойным, но проснулась я с тревогой и осуждением к себе за то, что во сне позволила себе ему довериться — так же, как мимолётно в баре. Но во сне я не думала о своём главном правиле: не доверять. Дэймон обнимал меня — медленно и бережно. Я ощущала его руки на своей спине, тепло его ладоней сквозь ткань одежды. А потом я снова попросила его меня поцеловать. Я позволила себе раствориться в этом моменте. Когда проснулась, на часах было 04:17. Я не могла уснуть ещё какое-то время, а в груди уже разрасталась холодная пустота. Я села на кровати и обхватила себя руками.

Мужчины не обнимают, чтобы согреть. Они обнимают, чтобы взять. Они не целуют, чтобы подарить. Они целуют, чтобы получить.

Сон был ложью, но он был приятным. Ночью разум засыпает, а сердце просыпается. Значит, в глубине души я хочу верить в то, что можно почувствовать себя в безопасности в чьих-то руках.

Мой перерыв начинается сразу с ингаляции, чтобы голос не дал сбой. Глубоко вдыхаю через ингалятор, избавляясь от наваждения в образе незнакомца.

В этот момент в дверь стучат, но не входят. Единственный плюс таких высокопоставленных компаний в том, что люди, работающие в таких местах, тактичны.

Я иду открывать, не отнимая ингалятор от лица — пар успокаивает связки, механическое дыхание помогает не думать.

Открываю дверь.

Вижу того, кто стоит за ней, — и мир выпадает в осадок.

Замираю. Ингалятор застывает в руке. Воздух перестаёт существовать.

Нежданный гость делает шаг вперёд, и я захлопываю дверь — со всей силы, наотмашь, полированным деревом ему прямо в лицо.

Глухой удар.

Я отступаю на несколько шагов назад — рефлекторно, будто это я получила удар, а не он. Сердце колотится где-то в горле. Не верю своим глазам.

Неужели я сплуну?

Дверь открывается снова. Дэймон переступает порог, опуская руку от ушибленного лица — но на нём нет ни тени злости. Только лёгкое удивление, которое вот-вот перерастёт в улыбку.

— Ты самая ненормальная из всех, кого я встречал. — Он улыбается. Без единого намёка на дискомфорт от удара. Будто моего «приветствия» и не было. Будто двери по лицу — обычное для него дело.

— Я не разрешала проходить.

Секундный страх за его состояние улетучивается так же быстро, как нахлынул. Я выдыхаю и возвращаюсь в прежнюю форму — та, что прячет уязвимость за колкостями.

— А я не разрешал лупить меня дверью по лицу. — Он закрывает за собой дверь. Щелчок замка — и я снова в ловушке, только на этот раз по собственному недосмотру. — Считаю, имею право в качестве компенсации пройти.

Передо мной не тот «незнакомец» из бара. Его будто подменили. Чёрный костюм — идеальная посадка по фигуре, ни одной лишней складки. Белая рубашка расстёгнута на несколько пуговиц — ровно настолько, чтобы открыть край татуировки на груди слева. Чёрные линии, уходящие вверх к ключице. Брутальный шарм, который режет глаз на контрасте с классической официальнойностью.

От него исходит атмосфера власти.

Это почти физическое ощущение — будто воздух вокруг смещает гравитацию в комнате. Его взгляд уверенный, без лишних эмоций, спокойный той спокойностью, которая настораживает больше, чем открытая агрессия.

Но вместе с этим давлением — безопасность. Странная, нелогичная, необъяснимая. Вот оно — то самое, что вынудило меня попросить поцелуй. Лёгкий дискомфорт вперемешку с притягательной силой. Химия, которая бьёт в голову быстрее любого алкоголя.

— Ты сам на неё напоролся, — отвечаю бесстрастно.

— Ты выдержала паузу. — Он подходит ближе — шаг, другой, третий. Медленно. — Я думал, ты запускаешь меня к себе.

— К твоему сожалению, твоё лицо доказывает обратное.

Я отхожу дальше, пропуская его в глубь кабинета. Увеличиваю расстояние между нами. Бессмысленно перечить его желанию пройти в мои временные владения. Пробиравшись ко мне напрямую уже входит у него в привычку — и это пугает больше, чем хотелось бы признать.

Я отступаю — он наступает.

Я ставлю границу — он её стирает, даже не заметив.

— Что ты здесь забыл?

— Поверь, я удивлён не меньше твоего, увидев тебя в этих стенах.

Он не сводит с меня глаз. Ни тени смущения.

— Как ты уже понял, у меня роль разменной монеты. — Я кладу ингалятор на столик, привлекая его внимание к аппарату.

Он замечает.

— Что-то не так? — кивок в сторону ингалятора. — Я не разбираюсь в этом.

— Много пою сегодня. Без ингаляций есть риск охрипнуть уже на следующей песне.

Я говорю это буднично, но он смотрит так, будто я сказала что-то серьёзное. Его руки уходят в карманы брюк, спина расправляется, будто он принимает решение.

— Может, всё отменить?

Пауза.

Я всматриваюсь в его лицо — он говорит это серьёзно. Без капли шутки.

— Хм, а ты можешь? — бросаю вызов, скрешивая руки на груди. Барьер, который должен сказать: «Не лезь».

— Могу.

Кривая улыбка растягивается на его губах — медленная, уверенная, опасная. И в этот момент я понимаю: он правда может.

Я смотрю на него и вижу — он способен уничтожить. Рушить. Принимать решения, от которых у других подкашиваются колени. Но почему-то я знаю: меня он не тронет.

— Очень интересно. — Теперь мой ход. Я подхожу к нему медленным шагом, считывая каждую чёрточку его лица. — У тебя здесь тоже есть хороший друг, как Сэм, и ты гость на мероприятии?

— А ты?

Он делает шаг навстречу — и мы оказываемся впритык. Расстояние, в котором уже не спрятаться за колкостями.

— Обычная студентка, которая подрабатывает в свободное от учёбы время, — приходится запрокинуть голову, чтобы не разрывать зрительный контакт.

— Мне кажется, ты необычная студентка. — Его глаза шуряют, пронзая насквозь, вскрывая тайники. — Слишком много в твоём поведении вызывает вопросов. Трудно не заметить, что за твоими колкими речами и травмированным запястьем скрывается намного больше, чем можно предположить. — Он смотрит на мою руку. — У всего этого есть весомая причина.

— Какое тебе дело до этого?

— Сам не знаю. — Пауза. — Видимо, я очень любопытный.

— Ты из себя представляешь какую-то шишку в бизнесе? — я режу воздух словами, пытаюсь вернуть себе контроль. — Сегодня вокруг тебя крутятся мужчины и женщины из высшего статуса. Но ты приходишь уже второй раз к студентке, которая поёт в баре твоего друга.

— В первую очередь к той, кто попросила поцеловать.

Щёки вспыхивают мгновенно — горячей волной, которую я не могу контролировать. Надеюсь, что он не заметит румянца, я отступаю назад. Но Дэймон наступает следом, сокращая расстояние, которое я пытаюсь восстановить.

Шаг. Ещё шаг. Ещё.

Я упираюсь спиной в стену — холодную, твёрдую, беспощадную. Рука задевает ингалятор на столике справа — пластиковый корпус соскальзывает, летит вниз.

Он успевает поймать его до того, как тот ударится о пол.

Дэймон слишком близко. Я смотрю на его губы — и память услужливо подкидывает кадры: как я целовала их вчера, ища спасение. Как он отвечал — нежно, но твёрдо. Как его руки держали меня, будто я была чем-то хрупким и ценным одновременно.

Он кладёт ингалятор обратно на столик. Медленно. Не сводя с меня глаз.

Наклоняется.

И я чувствую, как он стирает оборону — ту, что я выстраивала годами, кирпичик за кирпичиком. Она осыпается с каждым миллиметром, что он сокращает между нами.

Мне становится не по себе. Я не понимаю своей реакции на него. Это не страх. Это что-то другое — то, для чего у меня нет названия.

Я действую по наитию.

Резко отворачиваю голову в сторону.

— Хм, странно, — его голос звучит ровно, но я слышу в нём лёгкую усмешку. Он отходит — и возможность дышать полной грудью возвращается. Воздух снова входит в лёгкие. — Вчера ты была другой. — Пауза. Он смотрит на меня изучающе, будто собирает пазл, в котором не хватает деталей. — У тебя был неудачный опыт с женщиной?

— С чего вдруг такие громкие выводы?

Я восстанавливаю зрительный контакт. Пальцы впиваются в стену за спиной — до онемения в подушечках, до белых пятен на костяшках. Единственная точка опоры, которая не даёт мне провалиться.

— Знаю, как выглядит девушка, которая боится мужчину. — Его голос становится тише. Спокойнее. Без напора. — Был один инцидент в жизни.

Я замираю.

— Что за инцидент?

Он открывается — на долю секунды. Я вижу тень в его глазах, которая говорит больше любых слов. Но он тут же захлопывает эту дверь.

— Не бери в голову. — Вновь улыбается — той самой беззаботной улыбкой, которой стирает всё, что сказал секунду назад. — Просто твои эмоции мне ясны. Я для себя проверил — больше не буду тебя напрягать.

И весь накал спадает.

Будто кто-то повернул рубильник.

Стук в дверь. Резкий, деловой. Дверь открывается, и на пороге появляется организатор мероприятия.

— Риана, у вас ещё десять мину... Господин Дэймон? — Её глаза округляются, как орбиты, при виде него.

— София, госпожа Риана на сегодня всё. — отвечает он.

Я замираю в шоке от того, как она реагирует на его присутствие. А он добивает меня одним словом — «госпожа».

— Но я... — Хочу избежать недопонимания, но он не даёт мне это сделать.

— У неё нет настроения петь сегодня. Её пожелание мною учтено.

— Но как же программа? Она выдана господином Ксавьером и... — Продолжает девушка. Её глаза бегают от меня к Дэймону в непонятной мне панике.

— София. — Он говорит строже и ждёт, когда она перестанет сомневаться и начнёт внимательно слушать. — Дальше по программе презентация. Переходи сразу к этой части.

— Как скажете. — Она кивает и уходит, тихо закрыв за собой дверь.

— Ты что делаешь?! У меня работа не закончена! — кричу я, пытаюсь, чтобы голос звучал как можно увереннее, но предательская хрипота выдаёт меня с головой. Я рефлекторно хватаюсь за горло.

— Ты голос свой слышишь? — его брови изгибаются в удивлении, и в этом жесте читается что-то среднее между насмешкой и неподдельной заботой.

— Не в первой, — огрызаюсь я, хотя внутри уже закипает раздражение. — Мне бы хватило десяти минут восстановиться. Всего десяти минут!

— Я уже отменил. Не переживай. — Он говорит это так спокойно, будто речь идёт о чашке пролитого кофе, а не о моей работе. — Спасибо за твоё уделенное время. Господину Ксавьеру я объясню всё сам.

И он разворачивается, чтобы уйти. Просто уходит, не дав мне сказать ни слова больше. Его широкая спина движется по коридору, удаляясь с каждой секундой, а я стою, открывая и закрывая рот, как рыба, выброшенная на берег.

Да кто ты такой, чёрт возьми?!

Я срываюсь с места, выбегаю за ним, стук моих каблуков эхом разносится по пустому коридору.

— Стой! Да подожди ты! — выкрикиваю я, хватая его за руку. Пальцы смыкаются на тёплой ткани пиджака, и он замирает, медленно оборачиваясь. — Мне такой исход не нравится! У меня действительно могут быть проблемы...

— Не будет проблем, я же сказал. — Дэймон перебивает меня, и теперь в его голосе звучит сталь. — Риана, я не люблю повторять.

Тон не терпящий возражений. От него веет такой уверенностью, что на мгновение мне становится почти страшно. Но я слишком зла, чтобы позволить себе испугаться.

— Господин Прайс, Ваш выход через семь минут. Презентация готова. — Голос Софии врывается в наш разговор, и я замечаю её в другом конце коридора — она смотрит на нас с лёгким недоумением.

— Иду, — отвечает он, но взгляд его по-прежнему прикован ко мне.

Серо-зелёные глаза прожигают насквозь, и я чувствую, как внутри всё переворачивается.

— Прайс? — выдыхаю я.

Дэймон Прайс. Тот самый Дэймон Прайс. Человек, чьё имя у всех на слуху. Как же я сразу не поняла.

Он слишком нежно снимает мою руку со своего локтя — движение плавное, почти ласковое — и подносит её к губам. Я чувствую тепло его дыхания на своей коже, а затем — короткое, едва уловимое прикосновение губ к моим пальцам.

Дэймон подмигивает. Один короткий, дерзкий жест, от которого у меня подкашиваются колени.

И уходит. Окончательно. На этот раз не оборачиваясь.

Я стою посреди коридора, глядя ему вслед, и чувствую, как внутри меня загорается дичайший, почти болезненный интерес.

Так вот ты кто.

Я ухмыляюсь своим мыслям и сдаюсь. Сдаюсь собственному желанию, которое уже пустило корни — понаблюдать за Дэймоном Прайсом. Со стороны. Пока есть время.

Раз уж он так любезно освободил меня от вокала на сегодня, почему бы не воспользоваться этим шансом?

В зале я беру бокал шампанского с подноса первого попавшегося официанта. Искристые пузырьки танцуют в золотистой жидкости, и я делаю глоток, чувствуя, как лёгкое тепло разливается по груди.

Этот мужчина — первый, с кем мои разговоры проходят именно так. Первый, кто не требует, не ставит условий, не выдвигает ультиматумов. Линч, Смит, даже ректор — от всех я слышала только требования. Ты должна. Тебе нужно. Сделай, иначе. А здесь... человек, с которым мы обменялись едва ли парой фраз, каким-то непостижимым образом, по собственному желанию, оказывает мне помощь. Просто так. Без просьб. Без ожиданий.

Мне кажется, о чём бы мы ни говорили — или даже молчали — между нами всегда ощущаются искры. Воздух становится плотнее, электризуется, и я чувствую это каждой клеточкой кожи. Только вот что они значат, эти искры? Я пока не понимаю.

Дэймон выходит на сцену. Уверенный, собранный, он комментирует каждый слайд презентации, и его голос льётся плавно, без запинки, без тени сомнения. Он отвечает на вопросы чётко, с лёгкой улыбкой профессионала, который знает себе цену. Я наблюдаю за лицами присутствующих — мужчины в дорогих костюмах, похожие на мешки с деньгами, перешёптываются, кивают, одобрительно хмыкают. В их взглядах читается уважение. Ни капли сомнения в его компетенции.

Кто-то из них бросает вполголоса: «Этот парень вывел компанию на новый уровень. Ничуть не уступает своему отцу». И я понимаю, что это не лесть. Это признание.

После выступления на сцену поднимается Ксавьер Прайс. Они стоят рядом — отец и сын, и теперь я вижу, насколько они похожи. Одни и те же черты лица, одинаковая линия челюсти, тот же разрез глаз. Только Дэймон чуть выше.

Я делаю ещё один глоток шампанского, не отрывая взгляда от сцены, и чувствую, как внутри зарождается что-то новое. Что-то, чему я пока не готова дать имя.

Когда Ксавьер произносит речь — плавную, весомую, наполненную мудростью человека, построившего империю, — я чувствую на себе чей-то взгляд. Поднимаю глаза и встречаюсь

с серо-зелёной глубиной, которая прожигает пространство между нами, не оставляя шанса спрятаться.

Дэймон смотрит прямо на меня.

Толпа вокруг нас — просто фоновый шум. Его взгляд находит меня среди десятков лиц, и уголок его губ слегка приподнимается. Лёгкая, едва заметная улыбка — короткая, всего на секунду, но её хватает, чтобы мои губы дрогнули в ответ. Я улыбаюсь, и это происходит рефлексивно, словно моё тело уже не подчиняется рассудку.

Когда речь заканчивается, встреча считается официально завершённой. Из-за того, что несколько моих песен так и не прозвучали, вечер подходит к концу быстрее запланированного, но, кажется, никого это не беспокоит. Дэймон вместе с отцом и несколькими мужчинами из бизнес-элиты направляется в сторону лифта. Логично предположить, что их ждут переговоры по итогам презентации. Закрытые двери, крепкие рукопожатия, многомиллионные решения.

Но Дэймон не торопится за ними.

Он отделяется от группы и направляется в мою сторону. Целенаправленно. Не сворачивая. Не отводя взгляда.

Я чувствую, как женские взгляды со всех сторон впираются мне в спину — завистливые, колючие, буравящие кожу. Десятки глаз, которые ментально раздевают меня, оценивают, прикидывают — кто эта девчонка, чтобы он свернул к ней?

Но мне плевать.

Нельзя объяснить логикой то, что происходит внутри, когда он приближается. Нельзя вписать в сухой протокол деловой встречи ту бурю, что поднимается в груди с каждым его шагом. Нельзя оправдать нашим случайным поцелуем в баре то, от чего у меня всё переворачивается — складывается, рушится и собирается заново.

Он идёт ко мне, и мир вокруг теряет резкость. Люди становятся размытыми пятнами. Звуки — гулом за стеклом.

Только он — в фокусе.

«Беги, — шепчет внутренний голос. Тот самый, что спас меня не раз. — Или останься, чтобы больше не быть прежней.»

Я не двигаюсь с места.

Дэймон останавливается передо мной — так близко, что я чувствую тепло, исходящее от него. Не касание. Не объятие. Просто его присутствие в моём личном пространстве, которое сжимается до размеров его силуэта.

Он протягивает руку. Между его пальцев появляется визитка — плотная, дорогая, с тиснением. Я беру её почти не глядя, потому что всё моё внимание приковано к его лицу — к этим глазам, которые смотрят так, будто видят меня насквозь, до самого дна, до тех слоёв, которые я сама боюсь трогать.

А затем он наклоняется к моему уху.

Его дыхание обжигает кожу. И я чувствую, как мурашки рассыпаются по шее, скатываются по плечам, бегут вниз по позвоночнику.

Моя неконтролируемая реакция на него. Та, которую не спрятать за колкостями и безразличием.

— Скинь мне дозвон. — Его голос звучит низко, почти интимно — для меня одной, в этом зале, полном людей. — Хочу пообщаться с тобой в неофициальной обстановке.

Пауза. Я чувствую, как каждое слово вибрирует в воздухе.

— Не подумай ничего лишнего, что тебя может напугать.

На последнем слове он выпрямляется. Медленно. Без спешки. Смотрит на меня ещё секунду — и я вижу в его глазах ту же бурю, что бушует внутри меня. Только он держит её под контролем.

Затем он разворачивается и уходит.

Не оборачиваясь. Туда, куда изначально держал путь — к лифту, к сделкам, к контрактам, к людям в дорогих костюмах, которые ждут его, как верные псы ждут хозяина.

А я остаюсь стоять.

С визиткой с осязаемыми буквами, которые врезаются в подушечки, пока я сжимаю её так, будто это единственное, что удерживает меня на земле.

Я смотрю ему вслед.

И впервые за долгое время не знаю, что делать дальше.

Он даёт мне право выбора. Хотя мог бы прекрасно найти мой номер у того же организатора — один звонок, одна просьба, и мой телефон оказался бы у него в руках. Но нет. Он хочет, чтобы я сделала этот шаг сама.

Моё любопытство не даёт покоя. Оно зудит под кожей, пульсирует в висках, не позволяя мысли успокоиться.

Это первый человек, рядом с которым я чувствую не холодную отстранённость, а тягу. Настоящую, почти физическую, словно между нами натянута невидимая нить, и каждый его шаг заставляет её дёргаться.

Но я знаю, чем это может обернуться.

Только бы не стать тем легкомысленным мотыльком, что слепо несётся к огню. Только бы не обжечь свои и так хрупкие, потрёпанные жизнью крылья.

Я смотрю на визитку. Один номер. Один звонок или сообщение, которое может всё изменить. И я пока не знаю, хватит ли у меня смелости его сделать.

По окончании мероприятия, на выходе из здания компании меня встречает Линч. И он явно не в духе. Я замечаю это сразу — по тому, как он стоит, по напряжённой линии его плеч, по холодному, ничего не выражающему лицу.

Если его лицо безэмоционально — это стопроцентная гарантия того, что он чем-то недоволен.

Мой опекун — публичная личность, и ему совершенно не на руку показывать своё второе лицо на людях. Улыбчивый филантроп, благодетель, заботливый покровитель — этот образ он лелеет годами. И сорвать маску прилюдно значит подпортить репутацию, которую он так тщательно выстраивал.

Я молча протягиваю ему костюм — заранее успела переодеться в повседневные джинсы, лёгкий топ и пальто. Он принимает его без единого слова, и я скольжу на заднее сиденье машины.

Салон пропитан его парфюмом — навязчивым, сладковато-древесным ароматом, который мгновенно душит моё приподнятое настроение. То самое настроение, что ещё минуту назад искрилось внутри после встречи с Дэймоном. Теперь оно гаснет, съёживается, как пламя свечи под порывом холодного ветра.

Я отворачиваюсь к окну и приоткрываю его, впуская внутрь прохладный вечерний воздух. Лишь бы не видеть его физиономию в зеркале заднего вида. Лишь бы дышать нормально, не чувствуя, как этот запах въедается в кожу и напоминает, кто мной управляет.

Генри задаёт стандартные вопросы:

— Как все прошло выступление?

— Все на высшем уровне. — Мой ответ сухой, лишённый эмоций. И этого достаточно, чтобы он понял: разговор окончен.

Мы едем в полной тишине до самой квартиры. Стекло по-прежнему приоткрыто, ветер треплет мои волосы, и я смотрю на проплывающие мимо огни города, думая о серо-зелёных глазах и визитке.

По сценарию я уйду сразу к себе в комнату — ни слова, ни взгляда в сторону Линча. Только шаги по коридору, только щелчок закрывающейся двери, за которым наконец-то можно выдохнуть.

У меня сейчас одно желание — закрыться от всего мира и раствориться в прохладной воде бассейна. Чтобы остались только я и тишина.

Но моим желаниям, даже таким простым, не суждено сбыться.

Я только опускаюсь на диван и тянусь за телефоном, чтобы проверить мессенджеры перед тем, как переодеться, как вдруг раздаётся грохот — тяжёлый, грубый удар по двери, от которого, кажется, вздрагивают стены.

— Ана, открой! — Раздается искаженный яростью голос Линча.

Медленно, стараясь сохранять спокойствие, я встаю с дивана.

Во мне срабатывает инстинкт самосохранения. На всякий случай. Я быстро сканирую комнату взглядом, оценивая предметы, которые могут послужить мне оружием. Мои ставки падают на лампу на прикроватной тумбочке — тяжёлую, с керамическим основанием. Мысленно представляю, как она разбивается о его голову, и внутри меня разливается странное спокойствие.

Я открываю дверь.

Мой безразличный взгляд встречается с его яростью. Она бушует в глазах Линча, кривит его губы, напрягает каждый мускул на лице.

— Что это?! — рявкает он и швыряет мне в лицо сложенный листок.

Бумага ударяется о мою грудь и падает к ногам, белым пятном на тёмном полу. Я опускаю взгляд и вижу эмблему. Международный конкурс. Та самая заявка, которую я отправила месяц назад, даже не надеясь на ответ.

Сердце пропускает удар, а затем пускается в галоп.

Я быстро наклоняюсь, поднимаю лист и впираюсь взглядом в строчки. Буквы плывут, но я читаю главное — своё имя в списке участников.

— Прошла... — шепчу я. — Я прошла.

Реальность отключается. В комнате больше нет Линча, нет его ярости, нет ударов по двери. Есть только я, этот листок бумаги и осознание, которое медленно, сладкой волной разливается на душе.

Я подала документы заранее — тайком. Заполнила анкету, приложила записи, отправила и забыла, убедив себя, что удача мне не улыбнется. Кастинг, ради которого я рискнула, должен был проводиться следующей зимой. Но они вызывают меня в конце лета. Сердце пропускает удар от одной только мысли — меня ждут, меня хотят услышать.

— Ты за моей спиной начала строить карьеру?! — рявкает Генри, и его пальцы впираются в моё плечо, с силой дёргая, трясая так, что голова идёт кругом.

Резко, с холодной решимостью, срываю его руку — движение точное, без тени колебания.

— Не прикасайся. — Мой голос звучит убийственно спокойно, но в этой спокойной глубине плещется такая злость, что он замирает. — Я смотрю, ты во второй раз забываешься.

Эти слова действуют на него отвращающе. Он отступает на полшага, шумно выдыхает, и я вижу, как в его глазах ярость сменяется чем-то другим — притворным сожалением, липким и фальшивым.

— Ана, прости. Я увидел приглашение и... — Он запинаясь, отводя взгляд, а затем снова смотрит на меня с той тошнотворной нежностью, от которой у меня сводит желудок. — Боюсь тебя потерять.

Строит из себя «безопасного» человека. Заботливого опекуна, который якобы печётся о моём благополучии. Я вижу эту маску насквозь.

— Ты думаешь, я останусь в этих стенах на всю жизнь? — спрашиваю я, и в моём голосе звучит не вопрос, а утверждение.

Он проводит рукой по волосам, взъерошивая их — жест раздражения, которое он больше не пытается скрыть. Его глаза, помешанные на мне, становятся невменяемыми.

— Если ты покинешь эту квартиру, — бросает он, — я использую все рычаги, чтобы твоя карьера не состоялась, а жизнь превратилась в существование.

— Она и так похожа на существование. После твоих манипуляций, — отвечаю я тихо, но в этой тишине слышна всепоглощающая ненависть.

Я опускаю взгляд на лист, и вдруг замечаю то, от чего кровь стынет в жилах. Даты. Срок подачи анкеты на кастинг... просрочен. Письмо пришло неделю назад.

Неделю. Он молчал целую неделю.

— Срок вышел, — выдыхаю я. — Письмо пришло неделю назад, и ты молчал?!

— Тебе повезло, что я смог сдерживать себя эти дни... — Он упирается руками по обе стороны дверного проёма, закрывая мне путь. Его голос превращается в рычание, низкое, вибрирующее: — Ты. Никуда. Отсюда. Не. Съедешь. Поняла меня?!

Он рывкает последние слова мне прямо в лицо, и я чувствую его дыхание на своей коже. Но я не отворачиваюсь. Не опускаю взгляд.

Я смотрю прямо в его безумные глаза и молчу. Потому что слова — это только слова. А я уже знаю: отсюда нужно бежать. Вопрос только — как. И какой ценой.

— Ненавижу тебя, — шиплю я, и в этом слове — вся боль, вся злость, всё отчаяние.

Я разрываю лист на несколько частей — резко, не глядя, чувствуя, как бумага поддается моим пальцам, и бросаю обрывки ему в лицо. Они кружатся в воздухе белыми клочьями, падая к его ногам, словно снег посреди лета.

— Пойду подышу свежим воздухом, хотя бы это можно?!

Хватаю телефон, пальто, и толкаю его — сильно, неожиданно для нас обоих, заставляя отшатнуться. Он теряет равновесие на долю секунды, и этого хватает, чтобы я проскользнула мимо, выбегая в коридор.

— Ана! — летит мне в спину. — Если ты не вернёшься, я буду действовать радикально!

Я ничего не отвечаю. Оставляю его угрозы за спиной, захлопывая дверь квартиры.

Я выбегаю на улицу и только там, на холодном вечернем воздухе, понимаю: мне некуда и не к кому пойти.

Моё окружение — это только Хлоя и Элиот. Но это не те люди, кто может помочь мне противостоять опекуну. Если Линч разозлится по-настоящему, он и им испортит карьеру. Хлоя ни раз предлагала переехать к ней, но я знаю, чем это обернется. Линч найдёт меня там. Или сделает так, что Хлоя потеряет работу.

Я не могу рисковать своими близкими. Их и так осталось слишком мало.

Сажусь на скамейку в сквере под окнами дома и запрокидываю голову, глядя на небо. Оно тёмное, глубокое, усеянное редкими звёздами, которые мерцают где-то далеко-далеко, равнодушные к моей боли.

Насколько один человек может испоганить жизнь? Иногда я задумываюсь: может ли быть хуже? И мой ответ самой себе категоричен — куда ещё хуже? Когда кажется, что дно достигнуто, Линч всегда находит способ пробить его снова.

Я громко выдыхаю, и пар белым облачком тает в прохладном воздухе. Прячу руки в карманы пальто, пытаюсь согреться, и вдруг пальцы нащупывают что-то плотное, прямоугольное.

Визитка Прайса.

Та самая, которую я предусмотрительно переложил из парадного костюма. Я настолько опасаюсь одержимости Линча, что уже привыкла думать на шаг вперёд. Он вполне мог додуматься проверить карманы моей одежды после выступлений.

Я вытаскиваю визитку и смотрю на тиснённые буквы, мерцающие в тусклом свете уличного фонаря.

Дэймон Прайс.

Я сжимаю визитку в ладони и чувствую, как холодный картон нагревается от моего тепла. Мне ведь уже нечего терять, правда?

Всё, что у меня было — отняли. Всё, чем я дорожила — превратили в рычаги давления.

Так почему бы не рискнуть сегодня? Почему бы не прислушаться к внутреннему голосу, который настойчиво шепчет: «Сделай хоть что-то. Докажи себе, что не все мужчины — подонки. Докажи, что ты ещё жива.»

Вбиваю номер с визитки на телефоне. Один гудок. Второй. Я скидываю до того, как он успевает ответить, — просто чтобы проверить, просто чтобы дать себе шанс передумать.

Но он перезванивает через пару секунд.

— Думал, ты всё-таки решила со мной не знакомиться дальше, — раздаётся в трубке его голос. Низкий, бархатистый, с лёгкой хрипотцой, от которой внутри что-то ёкает. Подпрыгивает и замирает где-то в горле.

— Я скину адрес, заberi меня, — говорю я твёрдо, не позволяя голосу дрогнуть. И сбрасываю звонок, прежде чем он успевает ответить.

Сердце колотится где-то в горле, неровными ударами. Я кладу руку на грудь, пытаюсь успокоить его — и пальцы натыкаются на кулон. Тонкий, тёплый металл под подушечками.

«Мам, пап... Дайте знак, правильно ли я делаю?»

Ровно через пятнадцать минут к скверу подъезжает чёрный, затонированный Rolls-Royce. Он появляется из-за поворота бесшумно, словно хищник, вышедший на охоту, и не оставляет ни малейших сомнений в том, кто именно в нём.

Дэймон выходит с пассажирского места — небрежно, уверенно, словно вся вселенная подчинена его ритму. На нём всё тот же костюм, что был на мероприятии: безупречно сидящий, дорогой, подчёркивающий ширину его плеч и стать. В сочетании с его тёмными волосами, пронзительным взглядом и лёгкой полуулыбкой он создаёт образ — демонический, притягательный, опасный. Его имя играет с ним в унисон.

Он подходит ко мне.

— Не передумала ещё? — спрашивает он. Ненастойчиво. Без давления.

Я поднимаюсь со скамейки и смотрю ему в глаза, стараясь выглядеть увереннее, чем чувствую себя на самом деле.

— Имей в виду, несколько человек в курсе, что я с тобой, — выдумываю я на ходу. Пусть знает, что за меня есть кому вступиться. Хотя бы теоретически.

Он смеётся. Искренне, тепло, как-то по-доброму, отчего его демонический образ на мгновение рассыпается, обнажая что-то настоящее.

— Если бы я был маньяком-убийцей, — говорит он, всё ещё улыбаясь, — тогда точно не забирал бы тебя под окнами твоего же дома. К сожалению или к счастью, меня многие знают в городе. Думаю, твой опекун — не исключение.

Я поднимаю глаза вверх, туда, где тёмным силуэтом высится дом. Я уверена: Генри с высоты птичьего полёта наблюдает за мной. Сжимает кулаки, скрипит зубами. Мне не нужно видеть его лица, чтобы знать это.

— Ты уже обо мне навёл справки? — у меня вырывается смешок, нервный, но искренний. — Раз знаешь, что я живу с опекуном.

— Сэм рассказал, — пожимает он плечами, словно это самая естественная вещь в мире. И протягивает мне руку — открытый жест, приглашение. — Ну что, вперёд?

Я смотрю на его ладонь. Мгновение колеблюсь. А затем игнорирую её.

Прохожу мимо него к машине, открываю дверь и скольжу на пассажирское сиденье. Гордая. Непокорная. Привыкшая никому не доверять.

Но внутри я чувствую: это неправильно. Именно с ним я не хочу быть в том образе, который создала много лет назад, — колючей, закрытой, недоверчивой. С ним мне хочется быть другой. Настоящей. Но сначала я хочу разобраться в этом.

Мы выезжаем из-под тени дома, и я смотрю в боковое зеркало, как огни моей клетки постепенно исчезают за поворотом.

Я уезжаю с Прайсом, не представляя, чем обернётся эта встреча. И как сильно она перевернёт мою жизнь.

Глава 6

Дэймон Прайс

Я тону в твоих глазах — и, сам того не понимая, ищу в этом спасение.

После того, что случилось между мной и Оливией, я поставил крест на отношениях. Точнее, на том, что люди называют «отношениями» — с обязательствами, планами на совместное будущее и этим ощущением, что ты кому-то должен своё время, свои мысли, свою душу. Больше я не связываю себя ни с кем. Ни на эмоциональном, ни на каком другом уровне.

Но Олсон... Риана Олсон — совсем другая история.

С её строптивостью, с её излишней прямолинейностью она приковывает к себе внимание, даже не прикладывая к этому усилий. Эмоции держать девчонка не умеет — они плещутся в её глазах, кривят губы, дрожат в голосе, даже когда она пытается казаться равнодушной. И это подкупает.

Её просьба о поцелуе в баре и то, как она вела себя после — холодно, отстранённо, словно ничего не произошло, — дали мне понять: об отношениях она и думать не хочет. Ей нужно что-то другое. Свобода. Лёгкость.

И это как раз то, что мне подходит.

Сейчас она сидит рядом на пассажирском сиденье, и я наконец могу спокойно, не торопясь, рассмотреть эту девушку детально. Ангельская внешность бросается в глаза сразу. Нежное лицо, обрамлённое светлыми волосами, которые мягко спадают на плечи, придавая ей хрупкость и лёгкость. Голубые глаза — ясные, глубокие, как горное озеро, в котором хочется утонуть. Пухлые губы с мягким естественным румянцем, словно созданные для поцелуев.

Но за этой внешней невинностью, за этим хрупким фасадом скрывается нечто большее. Что-то ярое, дикое, непокорное. Я чувствую это каждой клеткой.

Риана смотрит в окно на мелькающие огни улицы. Она не скована внешне — сидит свободно, расслабленно, но я вижу, как задумчиво её лицо. Она здесь, но где-то глубоко внутри — в своих мыслях, в своих стенах, которые она выстроила вокруг себя.

Мы подъезжаем к ресторану «Minstons» — месту, которое я выбрал не случайно. Высокая деревянная дверь с металлическими вставками, небольшим навесом и витражами, на которых изображены нотные станы и музыкальные инструменты. Окна украшены декоративными рамами, а у входа висят плакаты с афишами живых выступлений. Здесь пахнет деревом, дорогим табаком и искусством.

Как только двигатель затихает, Риана подает голос.

— Всё по классике? — в тоне — ирония, которая уже успела стать родной.

Я поворачиваюсь к ней. В полумраке салона её глаза блестят — настороженные, изучающие, но уже не чужие.

— А ты против? — Пауза. — Перекусим и послушаем вокал под скрипку.

Её правая бровь медленно ползёт вверх. Маленькая реакция — едва уловимая, но я замечаю. Я замечаю в ней всё.

— Это единственное место, где я знаю, что есть живая музыка под сопровождение скрипки, — поясняю я, чтобы она не искала подвоха там, где его нет. Чтобы знала: это не случайность. Ничего в последние дни не было случайностью.

— Почему именно скрипка?

В голосе проскальзывает подозрительность. Но она уже знает ответ.

— У тебя татуировка скрипки за ухом, — мой голос невольно становится ниже. Я сам чувствую, как он меняется, когда я вспоминаю. — Ты забыла, как я прикусил твою мочку в баре?

Воздух в машине густеет.

Я вижу это — тот вечер всплывает перед глазами. И я сам начинаю плыть от этого воспоминания.

— В моей профессии невнимательность чужда, Риана.

Добавляю это, чтобы сбить напряжение.

Выхожу из машины и направляюсь к её двери — правила приличия, чёрт возьми, никто не отменял. Но не успеваю сделать и двух шагов, как она уже выходит сама. Уверенно. Независимо. Показывая, что не нуждается в услугах — ни в моих, ни в чьих бы то ни было.

Я смотрю на неё через крышу машины.

— Надеюсь, тебя не смущает мой образ для похода в ресторан, — голос звучит с лёгкой нервозностью. Она застёгивает верхнюю пуговицу пальто, пряча классический топ, который до этого подчёркивал грудь. — Если бы знала — приоделась.

Я смотрю на неё и вижу то, чего она, кажется, не замечает в себе сама. С её фигурой, с её статью, с тем, как она держится — она будет выглядеть презентабельно даже в мешковине. Потому что её сила не в одежде. Она — в осанке, во взгляде.

— Видимо, это смущает тебя, — я встречаю её взгляд и держу, не отпуская. — Но точно не меня.

Она замирает на секунду. Проверяет мои слова на искренность — я вижу это по лёгкому прищурю, по тому, как она всматривается в мои глаза, будто ищет там трещину. Не находит.

— Отлично.

Кивает. Одно слово — и она уже идёт вперёд. Уверенно переступает порог ресторана, будто заходит не в чужое место, а к себе домой.

Я следую за ней.

И чувствую, как аромат её духов — лёгкий, едва уловимый — остаётся в воздухе после неё. Тонкий шлейф, который манит за собой.

Мы проходим за свободный столик у окна. Как только мы опускаемся на мягкие стулья, нас сразу окутывает приглушённый свет, запах дорогой еды и дерева.

Музыка на фоне придаёт этому месту особенное умиротворение. Всё внимание Олсон приковано к скрипачу.

Я молчу, не мешая ей наслаждаться моментом. На сцене парень исполняет композицию, и я сразу узнаю её — Фриц Крейслер, «Муки любви». Знаю, я технарь до мозга костей, но в музыке разбираюсь лучше, чем многие думают. Это одна из тех вещей, которые я не афиширую, но которые составляют часть меня.

Риана облокачивается на спинку стула, чуть наклоняет голову влево, и я вижу, как она расслабляется. Плечи опускаются. И на её губах появляется лёгкая, почти незаметная улыбка.

Она будто не здесь. Она где-то там, где струны издают свой настоящий голос, где музыка становится воздухом, которым она дышит.

Скрипач берёт высокую ноту — чистую, пронзительную, летящую вверх, и она расплывается в широкой, открытой улыбке. Не мне — музыке. Но я всё равно чувствую этот удар под рёбрами. Неожиданный, будто кто-то невидимый коснулся моего сердца и сжал его на мгновение.

К нам подходит официант — молодой парень. Он смотрит на неё чуть ли не с открытым ртом, забыв о приличиях и субординации.

— Извините, Вы Риана Олсон? — спрашивает он, раскладывая перед нами меню, и этим вопросом нарушает наше уединение, а заодно — и правило заведения, запрещающее беспокоить гостей личными вопросами.

— Да, — отвечает она спокойно, без тени раздражения или недовольства.

Я напрягаюсь, готовый вмешаться, если потребуется. С одного моего слова этого парня могут перевести в уборщики. Я делаю глоток кофе, наблюдая за ситуацией, готовый напомнить ему, зачем он здесь стоит.

Но этого не требуется.

— Вы пели на дне открытых дверей в художественной школе, — говорит он, и в его голосе слышится искреннее восхищение. — Можете подписать нотную тетрадь моей сестре на день рождения? Как раз сегодня купил.

— Конечно, — отвечает она, и её голос звучит бодрее.

Мы делаем заказ. Когда официант приносит первую часть блюд, он передаёт тетрадь Риане. Она берёт её бережно, и начинает писать. Я замечаю, как развёрнуто она выводит пожелание для незнакомой девочки — не просто «с днём рождения», а целое послание.

За официантом подходит администратор — женщина средних лет. Она извиняется за нарушение и готовится вынести сотруднику выговор. Но Риана останавливает её мягким жестом.

— Всё в порядке, — говорит она. — Мы старые знакомые. Это моя прихоть.

Администратор колеблется, но кивает и уходит вместе с официантом, оставляя нас снова вдвоём.

Риана спокойно принимается за салат, то и дело поглядывая в сторону скрипача, который, по моим наблюдениям, скоро закончит очередную композицию. Я делаю очередной глоток кофе, наблюдая за ней.

— Да ты популярна, — говорю я, и в моём голосе звучит лёгкая усмешка. — С тобой скоро выйти нельзя будет на улицу.

Она поднимает на меня взгляд, и в её голубых глазах мелькает что-то — то ли смущение, то ли гордость, которую она пытается скрыть.

— Это редкость, — отвечает она, и в её голосе проскальзывает лёгкая грусть. — Как ты понял, на масштабных мероприятиях я не присутствую.

В отличие от меня, она не смотрит мне в глаза. Взгляд скользит по столу, по бокалу с водой, по сцене — куда угодно, только не на меня. И я пока не знаю, что это значит.

Смущение? Нежелание быть откровенной? Или привычка прятаться за полуправдой?

— Почему? — спрашиваю я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал без давления.

— Нужно закончить учёбу, чтобы идти дальше, — пожимает она плечом, но в этом жесте чувствуется напряжение.

— Как мне известно, на конкурсах участвуют без образования, если подходят по возрасту и вокальным данным. — Я делаю паузу, наблюдая за её реакцией. — Что мешает твоему опекуну продвинуть тебя выше?

Она колеблется. Я вижу, как в её голове проносится вихрь мыслей — она взвешивает, стоит ли быть откровенной, стоит ли доверять. Но спустя несколько секунд она всё же продолжает:

— Мы решили, что я сделаю упор на экзамены. Конкурсы мешают, это та ещё нагрузка. А потом уже, с более профессиональными навыками, я двинусь дальше.

— Странно, — вырывается у меня прежде, чем я успеваю подумать. Её слова вызывают во мне вопросы, нестыковки. Я не вижу в её объяснении логики.

Но она ловко уходит от продолжения — переводит тему на меня, как заправский шахматист меняет фигуру, чтобы увести партию в другое русло. Отставляет тарелку с салатом, облокачивается локтями на стол и смотрит с прищуром, от которого её голубые глаза становятся ещё выразительнее. Ещё хитрее.

— А что ты?

— А что я? — усмехаюсь я, принимая её правила. Поднимаю стакан с водой, делаю глоток, давая себе секунду на раздумье. — Я обычный инженер в авиастроении.

— Мне интересно, — она прищуривается ещё сильнее — теперь это не просто взгляд, а прицел. Она целится в меня из невидимого ружья и не промахнётся. — Почему ты так настойчиво захотел со мной познакомиться?

Я мог бы сказать что-то дежурное. Отшутиться. Перевести стрелки. Но я смотрю в её глаза и решаю: правда — лучший козырь.

— Наверное, по той же причине, по которой ты попросила, чтобы я тебя поцеловал.

Она вздрагивает.

Олсон начинает нервничать: пальцы сжимают стакан с водой чуть сильнее, чем нужно, взгляд ускользает в сторону, на сцену.

— Это было спонтанное помутнение рассудка, — произносит она, но голос звучит менее уверенно, чем ей хотелось бы.

— Ну, — я позволяю себе улыбнуться, — у меня после удара дверью тоже помутнение, видимо.

Пауза.

А потом — пара секунд тишины, в которой я вижу, как её губы дрогнули. И мы оба смеёмся. Негромко, но искренне.

— Засмеялась при мне в первый раз, — отмечаю я.

Я говорю это тихо, потому что хочу задержать этот момент. Продлить его. Чтобы сломать ещё один барьер — тот, что она выстроила вокруг себя.

— Это место расслабляет, — говорит она, и я чувствую: это не просто слова. Она действительно позволяет себе быть здесь чуточку более открытой. Чуточку настоящей. Хотя я уже понял — вести разговор, не выдавая своих истинных мыслей, Олсон умеет виртуозно.

Но я умею читать между строк.

— Рад, что угодил, — отвечаю я, и в моём голосе звучит искренность, которую я даже не пытаюсь спрятать.

Она смотрит на меня поверх стакана. Изучающе. Будто решает, верить мне или нет.

И в этом взгляде я вижу, как тает ещё один миллиметр льда.

Мы неплохо проводим время. Удивительно, но у нас находятся точки соприкосновения. Эта девушка размышляет не по годам — в ней чувствуется глубина, которая редко встречается в людях её возраста. Мы оба оказываемся людьми, желающими изменить свою жизнь до высот. Стать свободными. Независимыми. Хозяевами собственной судьбы.

Выступление подходит к концу. Скрипач кланяется под аплодисменты, и через минуту в зале начинает играть медленная минусовка фортепьянной записи.

Риана полностью сливается с музыкой. Я замечаю, как её пальцы начинают отбивать ритм по столу — в такт каждой клавише, каждому переходу. Она делает это профессионально, даже не задумываясь. Я присматриваюсь: кисть пружинит, запястье мягкое, подвижное. Она не бьёт пальцами по столу, а передаёт вес руки, словно касается настоящих клавиш. Она сама того не понимая, выдаёт ещё один факт о себе.

— Играешь на клавишах? — спрашиваю я, не скрывая любопытства.

Она поднимает на меня взгляд, и на её губах появляется лёгкая улыбка. В ней читается одобрение моей внимательности.

— Да.

— А почему тогда татуировка скрипки? — вырывается у меня. Эта девушка — ходячая загадка, и каждый новый факт только подогревает мой интерес.

Её лицо на мгновение меняется. Улыбка тускнеет.

— Моя мама играла на скрипке.

При упоминании матери она проваливается в себя. Я вижу, как её глаза темнеют, как плечи напрягаются, словно она физически ощущает тяжесть воспоминаний. Трудно не понять, как кровоточит её рана от потери родителей.

Я принимаю решение разбавить эту эмоцию. Мы собрались здесь не для того, чтобы скорбеть по прошлому.

— Не хочешь потанцевать? — предлагаю я немедленно, не давая ей уйти в себя.

Она поднимает на меня взгляд — и в нём мелькает сомнение. Будто я сказал что-то на иностранном языке, которого она не ожидала услышать.

— А как же стандартный вопрос, как у всех: «Что случилось с твоей мамой?»

В её голосе — горечь, присыпанная сарказмом. Она ждала этого. Готовилась к этому. Выстроила оборону именно против этого вопроса — а я ударил с другой стороны.

Её правая рука лежит на столе. Я тянусь к ней — медленно, давая ей время отдернуть ладонь, если она захочет. Она не отдёргивает. Я кладу свою ладонь поверх её. Ненавязчиво. Осторожно. Кончиками пальцев чувствую её пульс — частый, неровный, выдающий всё то, что прячет лицо.

— Хотела бы сама — сказала бы. Верно? — я говорю тихо, глядя ей в глаза, не отпуская. — Я не буду давить. Ты расскажешь, когда будешь готова.

Риана смотрит на наши руки.

Её взгляд мечется между моей ладонью и моими глазами — туда-сюда, туда-сюда, будто она не может поверить. Будто ищет подвох, скрытый смысл, ловушку.

А я всматриваюсь в её черты, пытаюсь изучить её ещё больше.

Совершенно другая. Не похожая на Оливию. Ни капли. В Оливии была показная лёгкость, игра. В Риане — глубина, которая затягивает. Боль, которую она носит под рёбрами, как второе сердце. Сила, которая не выставляется напоказ, но чувствуется в каждой чёртовой мелочи: в том, как она ведет себя, как мыслит, как говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.